Можно всё

Автор:
Дарья Пахтусова

Можно всё

Даша Пахтусова

Travel Story. Книги для отдыха

Даша Пахтусова – путешественница и контрабандистка любви. С двадцати лет она живёт в погоне за приключениями, незнакомцами и континентами. В августе 2015 года Даша создала блог «Можно всё», где стала делиться неприкрытыми историями. Тысячи людей, вдохновившись примером очаровательной девушки, отправились на поиски чего-то важного – в мире, где и правда можно всё. Эта книга проведёт через 7 лет настоящих приключений, пополнит твой личный «список дел на жизнь» тысячью и одним пунктом, влюбит в дорогу, разрушит границы и в конце концов разобьёт сердце, потому что, прочитав её, ты поймёшь, что не решался жить на 100 %. Это манифест свободы XXI века, маяк для мечтателей. Собирай рюкзак, вскрывай свинью-копилку и покупай свой первый one way ticket, потому что обратно ты вряд ли вернёшься!

Дарья Пахтусова

Можно всё

Всем мечтателям, романтикам, путешественникам и бродягам. Всем отчаянным дуракам, упрямо идущим за своей звездой. Всем безумцам, живущим так, как будто они никогда не умрут. Всем храбрецам, осмеливающимся любить, зная, что всему этому придет конец. Я посвящаю эту книгу вам.

Пусть никто из вас никогда не будет одинок.

И отдельно: моим бабушке и дедушке, которые всегда верили в меня, распечатывали мои заметки с путешествий, пока я была в дороге, и переставляли красный флажок моего местонахождения на карте. Видишь, деда, я всё-таки написала книгу, как и обещала. Я тебя люблю.

Ляжем на весла! Кто не мечтал

В этой жизни хоть раз все отправить к чертям.

В одиночку пройти океан,

Посвящая сверкающим звездам

Строчку за строчкой, целый роман…

Александр Васильев

Все герои и события данной книги – целиком и полностью выдумка.

Любое сходство с реальными людьми является совпадением. Ага.

Часть 1

Молодость все простит

Глава 1

Конец

«Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре – что мало любили и мало путешествовали!»[1 - Марк Твен.] Кажется, я восприняла эти слова слишком буквально…

15 мая 2010 года. Балашиха

– Они говорят, что все готово. Идем?

– Сейчас. Еще минуту.

Я стою на балконе в свадебном платье, собранном по частям: корсет отдельно от юбки, на нем ажурная майка, за которой не видно, что на самом деле это не платье. Фата куплена в единственном свадебном магазине района. Серые туфли (других не было) обвязаны белыми бантиками. В руке букет нарциссов. Сердце бешено колотится.

Андрей, лучший друг Димы, моего будущего мужа, с ленточкой «свидетель» через плечо стоит справа от меня и смиренно ждет. Моя квартира находится на тринадцатом этаже, и потому из окна прекрасно видно крышу девятиэтажки напротив. На ней виднеются маленькие фигурки людей, шарики и алтарь. Билли, свидетельница всей дури, что между нами происходила, смастерила целый алтарь и прислонила к нему старый красный рюкзак, чтобы конструкция не свалилась.

– Ладно. Я готова. Пойдем.

Я беру Андрея под руку, мы заходим в лифт, спускаемся на первый этаж и переходим дорогу. Дверь девятиэтажки уже заботливо приоткрыта. Ей мешает закрыться огромный булыжник. Никто из жителей дома и не подозревает, что в эту субботу на их крыше произойдут мои смерть и перерождение.

Андрей лезет на чердак первым и протягивает мне руку. Я облазила половину крыш своего города, но в огромной балетной пачке и туфлях забираться по лестнице мне еще не приходилось. Чувствую себя тем самым бароном Мюнхгаузеном в финальной сцене советского фильма. Андрей подтягивает меня, чтобы я не терла платье о пыльный бетон, и мы выходим на крышу. Слава богу, все ребята стоят в противоположном от нас конце, и у меня есть еще тридцать секунд, чтобы вдохнуть и выдохнуть.

Мы подходим чуть ближе. Билли стоит настороже, она видит нас и дает отмашку. Начинает играть наша песня. Большой гавайский музыкант с непроизносимой фамилией завывает под укулеле старую добрую «Somewhere

over the rainbow»… Теперь точно пора идти. Дима привык видеть меня в скейтерских «тапках», с сумкой, завешанной значками, и скейтом в руке, но никак не в белом платье с фатой… Я запомнила, как в тот момент он изменился в лице. Запомнила, что он стоял с зажмуренными глазами, что крепко поджал губы, поворачиваясь ко мне. Слева от алтаря стоят его лучшие друзья, все пацаны, справа – мои девчонки, знающие меня с пяти-восьми лет. Такие законы в маленьких городах: мы не размениваем старых друзей на новых. Я иду к алтарю по фиолетовому коврику из своей прихожей. Денис Савельев, большой добрый парень, успевший побыть одноклассником и мне, и Диме, стоит рядом с ним под алтарем. Он прекрасно подошел на роль священника. Вместо Библии он, словно книгу, держит в руках макбук, из которого играет музыка. Такая вот современная святость.

Текст, который он произнесет, классический, за исключением одной маленькой детали. Вместо слов «пока смерть не разлучит вас» ему велено сказать «и смерть не разлучит вас». Мы по очереди отвечаем «да» на все вопросы, а затем обмениваемся серебряными кольцами с гравировкой «Soulmates never die» на моем и «We’ll never die» на его[2 - Слова из песни Placebo «Soulmates never die» (прим. автора).].

Наша свадьба проходит по всем канонам, кроме того, что мы не ставим штампов в паспорта и не зовем всех дядей Вань и тетей Люсь из соседних городов. Родители принимают наш выбор их не звать и остаются довольны фотографиями.

Мы даже запускаем в небо белых голубей – вымолили их бесплатно ночью за день до свадьбы из голубятни в гаражах неподалеку. Затем расписываемся на разноцветном сертификате, заготовленном Билли, меняем туфли на кеды и идем праздновать в лес. Ребята пьют, поют песни и веселятся. Все прошло по плану. Никто из них и не догадывается, что на самом деле мы с Димой только что отпраздновали окончание наших отношений. Через десять дней я улетаю в Америку, и мы оба знаем, что это конец.

Как? Зачем? Почему? Все просто. Наши дороги пересеклись, когда нам было шестнадцать. И довольно быстро у нас не осталось никаких сомнений в том, что мы родственные души. У нас было первое все: первая любовь, первое прогуливание школ в родительских квартирах, первый секс, первые ссоры, первая ревность, первые «доброе утро» мелом перед окном, первая показуха с ножом по запястьям, первая измена, первые ночевки на ступеньках, первое

«прости», первое море, первые ящики писем, первый пирсинг, первое ЛСД, первая бытовуха, первые ласкательно-уменьшительные собственного сочинения, первая жизнь. А потом нам исполнилось по двадцать. И мы стали понимать, чего хотим дальше. Дима хотел навсегда покинуть цивилизацию, построить дом в глуши, завести хозяйство и больше никогда не возвращаться в социум. Я же хотела весь мир. Я жаждала его каждой клеточкой своего тела и смиренно ждала, когда в системе «детский сад-школа-институт» появится окошко для моей свободы. В таких противоположных предпочтениях не было компромисса. На спинах наших поездов были написаны совершенно разные направления, и, попытайся мы идти параллельно, один из нас довольно скоро сошел бы со своих рельсов и разбился. Но это не отменяло родственности наших душ. Не отменяло любви. И мы приняли решение не стаскивать друг друга с путей, а сказать «спасибо», «до следующей жизни» и разомкнуть руки. Так мы разошлись.

Глава 2

Свобода

Заметка в дневнике:

15 февраля 2011

Прошло уже 6 месяцев, но я все еще улыбаюсь, вспоминая наше лето.

Может быть, люди и смертны, может, мы не можем продлить момент и не в наших силах удержать тех, кого мы любим, но воспоминания… Воспоминания с нами навеки. И никто не сможет их отнять.

* * *

26 мая, ровно через десять дней, я приземлилась в Вашингтоне. Это был мой первый самостоятельный побег. Спланирован он, правда, толком не был. Я оформила документы за месяц, а не за год, в отличие от остальных ребят,

приехавших сюда по программе Work&Travel для студентов. Тогда я еще не знала, что, чтобы путешествовать, можно просто купить билет. Нет, мне нужен был четкий план, иллюзия защищенности – именно ее и гарантировала эта программа. Со мной были сто долларов, чемодан и две русские девки, с трудом говорящие на английском.

Девочек этих я не знала, нас просто посадили в один самолет, дали адрес работы и телефон работодателя. Сказали позвонить ему из аэропорта, чтобы узнать дальнейшие инструкции (номер автобуса, например). По плану мы должны были работать в городе Woodbridge – это где-то в середине штата Вирджиния – в качестве спасателей у бассейна. Конечно, если возвести эту профессию в превосходную степень, я представляла себя в сексуальном красном купальнике с белым крестом, бегущую в замедленной съемке на помощь тонущему… Уж опустим тот момент, что это был бассейн, а не океан. За месяц до этого я прошла собеседование по скайпу и даже знала, как будет выглядеть моя комната.

Мы вышли в главный зал аэропорта. Большой черный дядя указал нам, где найти телефонную будку, и вручил монетку. Его беспричинная доброта и вежливость меня тогда очень удивили. Я кинула монетку в аппарат и набрала номер. На том конце провода уточнили наши фамилии, проверили списки и сказали, что нас в них нет, а начальник, на которого я ссылаюсь, уже полгода как не работает в этой компании. Я повесила трубку и сообщила новость девочкам. Они уставились на меня с разинутыми ртами.

На минуту мне стало страшно. В кармане сотня баксов, билет обратно через четыре месяца… Впервые в моей жизни у меня не было никакого вектора движения. Некуда оглянуться, не на кого рассчитывать… Никто не скажет мне, что делать. Не прозвенит звонок. Не проедет утренний автобус до «Партизанской». Не начнется пара. Я могу делать, что захочу… И тут до меня дошло: я могу делать, что захочу!

– Не знаю, как вы, но я ни разу не видела океан! Как до него добраться?

Яна, та девочка, что обрела дар речи первой, сообщила, что какой-то ее знакомый работает на Вирджиния-Бич, в том же штате, и как раз у океана – глядишь, он поможет нам с работой. Никаких других идей у нас не было, и мы отправились искать автобус до Венис.

Добрались до места мы уже на следующий день. Автобус высадил нас у океана. Мы встретились с другом Яны и вместе отправились искать нам жилье. Поскольку Вирджиния-Бич – курортное место, летом сюда съезжаются студенты со всего мира в поисках подработки. Кто-то выдает детям мороженое, кто-то расставляет зонтики на пляже, кто-то продает сувениры… Молодые сердца моментально заселяют все дешевые отельчики, что здесь есть. А отельчики, в свою очередь, стараются принимать жильцов минимум на месяц, чтобы не париться с заселением и выселением. Поэтому, когда мы наконец нашли более-менее подходящее по цене и качеству место, мне пришлось отдать им сразу все свои бабки в качестве депозита. Deposit. Первое новое слово, что я выучила на территории Штатов. Нас заселили в двухэтажный домик, на второй этаж, прямо над ресепшен.

Это была маленькая квартирка с кухней и гостиной, все убранство которой составляли кресло, диван, столик и старый телевизор. Основная комната была забита двухъярусными кроватями, оставался лишь узкий проход до туалета. В этой квартирке мне суждено было прожить два месяца. Я отдала депозит, и в моем кармане осталось денег на еду на ближайшую неделю. Это все. Я подала документы на оформление социальной защиты. Без этой маленькой картоночки с Social Security Number[3 - Номер социального обеспечения – уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США (прим. редактора).] я не могла официально устроиться на работу, а оформлять ее должны были месяц. За это время я отброшу коньки. Вывод один: нужно искать нелегальную работу. Так я отправилась стучаться в каждую дверь этого маленького города. Я зашла во все магазины сувениров, отели и вагончики с мороженым. Но толку было мало, и ближе к вечеру дорога привела меня в бар. Это был двухэтажный корабль пива и живой музыки, освещенный бархатно-красными лампами. Как завести разговор с его экипажем? Я достала сигарету из пачки и стала искать глазами любого мальчишку приятной внешности.

– Hi! Do you have a lighter? – спросила я парня в кепке со спущенными штанами.

– What? – крикнул он в ответ.

Черт, может, я не так что-то говорю.

– Э лайтер! – крикнула я в промежутке между барабанами и гитарным соло.

– No baby… Not as if I wouldn’t like to light your fire[4 - «Нет, детка… Но не то чтобы я не хотел разжечь твой огонь» – намек на песню группы «The Doors» (прим. автора).].

Мне пришлось еще несколько раз повторить в голове его слова перед тем, как я поняла, что он имел в виду.

Я посмеялась и смущенно ушла в темноту, ближе к музыке. В отличие от наших московских баров, где обычно зависает одна молодежь, здесь было много бородатых стариков в шлепках, шортах и с какой-то хиппи-атрибутикой. Один из них, похожий на Дон Кихота, с длинными волосами и в шортах с изображением марихуаны, сам начал со мной разговор. Так у меня появился первый в Америке друг и спаситель.

– Так как тебя зовут?

– Друзья зовут меня Иисус, – сказал он и пожал мне руку.

– А меня друзья зовут Хани, – ответила я, по-свойски улыбнувшись.

Довольно быстро я рассказала ему о своей проблеме.

– Послушай, у меня есть друг. Он живет неподалеку. У него свой магазин всякой хиппи-лабуды. Ловцы снов, браслеты, камни, вязаные шмотки и так далее. У магазина своя парковка. Естественно, вся она не бывает занята покупателями, зато вот желающих искупаться летом навалом. Им вечно негде припарковаться, поэтому они паркуются платно на его площадке. Так вот, ему нужен человек, и желательно, конечно, какая-нибудь красотка, как ты, чтобы обилечивать этих ребят. Я сам сейчас работаю на этом месте. Если новые работники ему не нужны, я могу отдать какие-то свои рабочие часы тебе.

Вот что он мне сказал. Только тогда я поняла из этого процентов пятьдесят. Мой английский, который я успешно учила к тому моменту уже тринадцать лет, был на вполне приличном уровне в теории, но не на практике. На руку мне Иисус был знатно укурен и тянул слова, как Ошо, уделяя по минуте каждому предложению. Мы договорились встретиться на следующий день.

Вечером я вернулась домой и обнаружила, что к нам заселились трое македонцев. Наверное, я бы никогда так и не узнала ничего про эту страну, если бы не они. Двое из них были тихими, ничем не примечательными ребятами: правда, они приводили к нам якобы скромных японок, с которыми потом обжимались по углам. Третьего македонца звали Антонио. Он стал моим главным другом в неизвестной стране. У нас мало чего было общего, но в то время это не имело никакого значения. Если жизнь выкидывает тебя с хорошо изученной палубы за борт, все утопающие быстро становятся друзьями. И тут уже неважно, у кого какой бог и любимый фильм. Важно, что вы в этой неизвестности вместе. Антонио был страстным парнем, большим любителем женщин и Фрэнка Синатры. А я очень люблю любителей женщин и Фрэнка Синатры. Не будет в моей жизни момента, когда, услышав вступление «Strangers in the night», я не вспомню своего вечно улыбающегося друга с носом-картошкой. Сколько раз мы вальсировали босиком на улицах Вирджинии, напевая эту песню. А по вечерам, возвращаясь каждый со своей работы, мы встречались у сцены на берегу океана, где часто устраивали концерты под предлогом каких-то праздников или фестивалей. Мы с Антошкой выходили в самый центр толпы и начинали такой жаркий пляс, что толстые и пожилые туристы только диву давались. Они создавали вокруг нас круг и аплодировали, пока мы, исполняя пируэты, танцевали в поту, умудряясь при этом не поскользнуться на влажной траве.

Так вот, мы стали жить вместе. Проблему еды я для себя решила быстро: прямо напротив нашего домика стоял супермаркет всея Америки «7/11». Изначально эту сеть магазинов назвали так, потому что работала она семь дней в неделю и одиннадцать часов в сутки, но со временем магазин разросся, захватил всю страну и смог позволить себе работать круглосуточно. Но название так и осталось прежним. Супермаркетом, надо признаться, он был не из лучших и по своему ассортименту походил на все заправочные магазы, где, кроме чипсов и шоколадок, в качестве чего-то горячего предлагали пиццу, хот-доги и кофе. В самом «Севен элевэне», кроме вышеперечисленного, продавали еще и куриные ножки барбекю. Я сама не поверила бы себе сейчас, но заверяю тебя, в течение двух последующих месяцев я питалась только ими.

Работа мне все-таки перепала. Вышло, как и сказал Иисус: он временно уступил мне свою должность. Денег на жизнь ему вполне хватало, и он был не прочь передохнуть. Так что первая половина дня двух следующих месяцев моей жизни выглядела так: просыпаясь рано утром, я натягивала на себя первое попавшееся платье, иногда забывая при этом надеть лифчик, хватала отжатый у сына арендодателя лонгборд, проезжала на нем семь кварталов, бегом покупала кофе

и уже через пять минут сидела на своем рабочем месте – выжженном солнцем зеленом пластмассовом стуле. Дальше начиналась игра с солнцем: каждый час я передвигала стул вслед за уходящей тенью от зонтика. Приезжали машины. Я записывала их номера, говорила зазубренное: «Put it on your dashboard», – сама не понимая, что значит последнее слово, и показывала, куда поставить машину. Возвращаясь за машиной, они отдавали мне наличку за то количество часов, что их тачка там простояла. Я клала их в кошелек, а вечером отдавала все боссу. Он отсчитывал мой процент и вручал деньги. После чего я обычно заходила в гости к Иисусу. Его домик стоял в углу той же парковки. Сделан он был чуть ли не из картона, и, когда я стучала в дверь, вся стена начинала шататься. В коридоре за огромной железной сеткой жили два больших бешеных добермана. От малейшего звука они всегда начинали громко лаять, а Иисус – не менее громко материться на них.

– Да слышу я, слышу, черт возьми! Что ж вы так лаете, сукины вы дети!

– Привет, Иисус.

– Привет, Хани. Заходи!

Сначала я по привычке представлялась в Америке как Хани. Так меня звали все близкие друзья. Вскоре мне, правда, пришлось перестать так делать, потому что в Америке имя «сладкая» может носить только стриптизерша или проститутка. Да и кличку эту я придумала только потому, что мне не нравилось быть как все – Сашей-Машей-Пашей-Дашей, а здесь такой проблемы не возникало. Но все же самые близкие и дальше продолжали звать меня «Хани», даже в Америке.

– Будешь холодный чай, Хани?

– Конечно! Спасибо!

Весь дом Иисуса представлял собой одну комнату. Почти всю ее площадь занимала огромная кровать с водяным матрасом. Стены были увешаны плакатами и прочей атрибутикой неизвестной мне тогда группы «Grateful Dead».

– «Благодарные мертвые»? Что это?

– О, дорогая, это родоначальники хиппи. Как можно их не знать! Неужели у вас в России их не слушают?

Я чудовищно обгорала в первые дни работы, и Иисус отрывал мне листья своего большого куста алоэ, растущего в углу комнаты. Пока я водила спасительным растением по коже, он дымил марихуаной и рассказывал мне истории о шестидесятых. С наступлением темноты я шла домой, где меня ждали Яна и македонцы. К слову, у Яны не возникло проблем с тем, что Work&Travel нас подставил. Ее папа въехал в ситуацию и сразу перечислил денег на все оставшееся лето со словами «отдыхай, доченька». Но городок этот был пустой, и, кроме разве что посиделок на пляже, делать здесь было нечего. Поэтому Яна всегда радовалась моему возвращению домой. Она была доброй и совершенно безобидной девочкой, напоминающей куклу Барби в хорошем смысле слова. Все ее вещи были розовыми, глаза – голубыми, а волосы – цвета пепельный блонд. Она с трудом хоть что-то понимала на английском, но, как и все маленькие и беззащитные девочки, привлекала «больших и опасных» мальчиков. Так сынишка арендодателя, весь из себя крутой рэпер (на самом деле нет) с джипом отца, моментально запал на мою Яну. Нюанс был в том, что она ни черта не понимала из того, что он говорит, и мне постоянно приходилось выступать в роли переводчика. Иногда по ночам мы уезжали в квартиру этого пацана и играли в приставку с ним и его приятелями. Яна водила его вокруг да около какого-либо интима, целуя на прощание в щечку, а он, как любой пацан, на это велся. Так мы стали обзаводиться халявой во всем и вся. Например, получили тот же лонгборд и всегда могли попросить довезти нас до больших магазинов. Пару раз мы с Яной подрабатывали на фабрике игрушек. Весь день нужно было упаковывать неоновые палочки-браслеты в полиэтилен. Я на всю жизнь запомнила это ощущение бессмысленности и рабства. Ничего нет хуже, чем повторять одно и то же действие длиной в десять секунд в течение восьми часов. Это превращает тебя в машину без глаз и лица. Тогда я поклялась себе, что больше никогда не буду заниматься такой херью, чего бы мне это ни стоило. Довольно быстро я стала привыкать к Америке. Привыкла к тому, что у каждого второго в руке косяк, что все улыбаются и что на слова «hey-how-you-doing» проходящего мимо нужно не развернуто отвечать, как мои дела, а просто кивнуть и улыбнуться. В целом моя жизнь в Вирджинии стала идти размеренно и закономерно. А дальше произошло то, что навсегда изменило мою жизнь.

Глава 3

Beautiful Nightmare

Нам обоим запомнятся годы

Нашей темной и страшной свободы,

Научившей любить и прощать.

Ах Астахова

Я многое забываю, но то, как встретила мужчин своей судьбы, помню в мельчайших деталях. Помню настолько четко, что, если поставишь меня сейчас на тот же перекресток, я в точности скажу, где стояла и с какого угла смотрела на то, как хозяин нашей гостиницы обсуждает что-то с двумя ребятами с большими рюкзаками. Дело было поздно вечером. Мы по обычаю уселись на крыльцо с какими-то напитками и стали невольными свидетелями этой картины. Пока ребята с рюкзаками сбрасывали свои вещи, я пошла на серьезный шаг и купила себе сим-карту. Вставила ее в самый дешевый телефон и теперь пыталась ее активировать, но у меня ни черта не выходило. Яна сидела рядом. Вместе мы пытались разобраться с инструкцией. Я уже начинала злиться. И вот тут-то, блядь, это и произошло. Смешно. Прошло уже шесть лет, а мне все равно тяжело об этом писать. Рядом со мной на крылечко присел один из этих двух парней. Его звали Дэниел. Перекинувшись парой фраз, я объяснила свою проблему. Он прочитал инструкцию и сказал, что нужно куда-то звонить, чтобы активировать симку. Мы отправились в «7/11», там был стационарный телефон. Дэниел взял трубку и стал звонить. Только тогда, в ярком свете супермаркета, я разглядела его лицо. Это был единственный момент в моей жизни, когда все произошло как в кино. Клянусь, что не преувеличиваю, говоря, что проходящие мимо люди вдруг замедлились. Картинка стала размытой и бесцветной по краям. Звук исчез. Цветным и четким осталось только его лицо. Разговаривая по телефону, он в какой-то момент посмотрел на меня своими зелеными, обрамленными длинными ресницами глазами, и я пропала. В голове зазвучала какая-то французская мелодия. Мне нравилась решительно каждая черта его лица: широкие скулы, легкая небритость, идеальной формы губы, белоснежные зубы. Нос, брови, волосы. Но главное – взгляд и этот утробный, низкий голос. Мне нравился его английский акцент, из-за которого я с трудом понимала, что он вообще говорит.

История, как Дэниел оказался здесь и сейчас, такова: месяц назад он прилетел в Нью-Йорк из Англии со своим приятелем, отмороженным игроком в регби, который яро ненавидел всех женщин, вечно напивался и влезал в драки, но зато с ним было весело. Дэниел объяснил мне позже, что этот парень примазался сам и отступать поздно было. Они добрались до Вирджинии, потому что слыхали, что здесь можно купить дешевую машину. Раздобыв ее, парни собирались отправиться пересекать Штаты. На тот момент Дэниелу было двадцать три, а это на целых три года старше меня! Я считала его взрослым мужчиной, прохававшим жизнь. Короче говоря, мы влюбились. Первую ночь мы просидели на полу балкона моего дома и разговаривали, пока не начало светать. Мы обсуждали все. Говорили про наши страны и их обычаи. Он рассказывал мне про свои путешествия. Про то, как гулял по джунглям Борнео, в каких океанах серфил, про жизнь среди слонов Африки, про змей и волков. По профессии он был географом и к своим двадцати трем успел увидеть и испробовать немало. Я смотрела ему в рот, как малолетний ребенок, пытающийся научиться говорить. Я спрашивала его обо всем. О том, сколько у него было половых партнеров, любит ли он ходить босиком, что ему нравится больше, ночь или день, бывал ли он когда-нибудь на похоронах, когда последний раз плакал, дрался ли когда-то, испытывал ли животный страх и любит ли лазать по деревьям… Он задавал те же вопросы мне. Мы буквально напали друг на друга со своими мирами, так отличающимися друг от друга. Летние ночи всегда пахнут особенно. Они как сладкий эфир… В нем пропадает время. Волшебное чувство абсолютной свободы охватило меня. Моя душа пела оды беззаботной юности.

Нашу идиллию на мгновение перебила сцена, развернувшаяся у магазина напротив. Остановился огромный джип. Оттуда вылез парень, змейкой дошел до двери «7/11», которая, конечно, была закрыта, и начал ее трясти. Разочаровавшись, он растерянно обернулся, поймал взглядом пластмассовые ящики, предназначенные для ежедневных бесплатных газет, открыл один из них и с криком «IT’S FOR FREEEEE!!!» выкинул огромную стопку газет в воздух. Мы разразились смехом. С тех пор я не могу говорить фразу «for free» с другой интонацией. Я так ярко запомнила это оттого, что в тот момент я по-тихому праздновала внутри себя жизнь, а этот пьяный парень только что высказал мои истинные чувства. Все самое лучшее в мире свободно и бесплатно, что на английском описывается одним словом. Free.

Так мы и сидели, наблюдая сквозь туман и табачный дым, как просыпается американский город у побережья. Вскоре это вошло в традицию. Мы, будто сторожа, стали караулить его тихий сон ночь за ночью, а в семь утра, когда птицы с новой силой принимались петь, сдавали вахту. Я кралась в свою

комнату, стараясь никого не разбудить, а Дэниел спускался по пожарной лестнице вниз ровно за пять минут до того, как должен был открыться ресепшен, и брел в свою общажную комнатку. Нам было запрещено водить гостей. В первый из таких рассветов, перед тем как уйти, он посадил меня на перила той самой пожарной лестницы и целовал, пока выглянувшее из океана солнце не стало бить оранжевыми лучами нам в глаза. Природа будто праздновала нашу любовь вместе с нами.

Очень быстро все мои рабочие дни превратились в томительное ожидание, когда я снова увижу его лицо. И каждый раз я забывала, как он выглядит. Такое происходит со мной только тогда, когда кто-то мне действительно очень нравится. В данном случае я втрескалась настолько, что, как только мы расставались, мне начинало казаться, что я его придумала. И когда вечером я видела его настоящего, из плоти и крови, это было все равно что находить лучший подарок на Новый год под елкой снова и снова. Перед тем как увидеться вновь, я дрожащими руками чиркала зажигалкой, справляясь с ней лишь на пятый раз. В Америке на зажигалках стоят колечки безопасности от детей. Чтобы зажечь такую штуку, нужно приложить вдвое больше усилий. Я выкуривала полпачки перед тем, как прийти в наш общий дворик, где каждый вечер устраивались новые вечеринки. Всячески изображая независимость, я галдела с кем-нибудь другим, стараясь не навязываться Дэниелу и казаться веселой и беззаботной.

В общем, это превратилось в красивый кошмар. Да, точно, так он меня называл. Beautiful nightmare, потому что понимал, как и я, что вся эта затея влюбиться все перевернет. Я звала его в ответ sweet dream. А все потому, что рядом с моей парковкой постоянно играл новый хит Бейонсе с припевом «Sweet dream or a beautiful nightmare, either way I don’t wanna wake up from you». В Америке какая-то проблема с радио. Вечно они ставят на плей-лист буквально песен пятнадцать и крутят их вперемешку по кругу месяц. Вряд ли Дэниел взял эту фразу из песни Бейонсе, он, как и я, был любителем старых добрых «Роллинг Стоунз» и «Оазиз», но эта попсовая песенка дополнительно напоминала мне о нем каждый день.

Прошла неделя нашей общей зависимости. Мы красиво сходили с ума. Я наконец накопила немного денег и даже смогла позволить себе розовое платье Volcom за двадцать долларов. Из-за нервозного состояния влюбленности я вообще перестала есть и выглядела прекрасно. Присутствие Дэнни стало моей пищей. Руки переставали трястись, только когда я знала, что он рядом со мной. Мы

проводили очередную летнюю ночь на пляже вместе с другими ребятами из отеля, запустив по кругу косяк. Я курила всего пару раз в жизни, и мои не привыкшие к таким штукам глаза моментально превратились в две щелочки. Ребята кинулись с криками в океан, а мы с Дэнни решили воспользоваться возможностью и под шумок спрятались за сложенную гору шезлонгов в ста метрах от них. Тогда мы пытались не палиться, что между нами что-то есть. Если бы кто-то из наших ребят узнал, через сутки об этом знал бы весь наш отель. Не знаю, в этом было дело или, может, просто в том, что иногда хочется прятать свое счастье, как волшебный ключик, лишь бы не украли. Лишь бы не пропал этот вход в секретный мир двоих. Я лежала у него на коленках. Звезды двигались вместе с движением моих глаз. Океан жил своей шумной ночной жизнью, заглушая наши голоса. Дэниел нежно провел рукой по моему бедру. Я таяла от него, как пирожное. Он провел рукой по внутренней стороне бедра. Я моментально стала задыхаться. И эта его фраза на выдохе: «You are so fucking wet». Таких откровений мои детские ушки еще не слышали. Мы сорвались и полетели. Кажется, все хотели усложнить нам задачу. И каток, утрамбовывающий ночью песок и пробивающий пляж огромным лучом ослепляющего света. И китайцы, которые ну просто не могли постелить полотенца подальше… Апогеем было, когда я, прижавшись к плечу Дэниела, заметила, что прямо за ним стоит аквалангист в маске и ластах и просто наблюдает за нами. Когда мы в недоумении уставились на него в ответ, он медленно повернулся и просто ушел в океан. Покрытые песком, как печенье, мы возвращались домой, взявшись за руки, и разомкнули их, только когда подошли ближе к отелю, чтобы о нашем секрете никто не узнал. Пути обратно больше не было. Мы перешли ту грань, до которой можно было еще отвязаться друг от друга. Теперь нитки превратились в веревки и завязались в морские узлы.

Когда влюблен в человека, заботишься о нем больше, чем о себе. В один день его приятель, живущий в маленьком домике напротив нашего отеля, предложил нам кокаин. Все, что я знала о кокаине, – это то, что он звучит как героин. И значит, наверное, по вреду своему недалеко ушел. От обоих этих слов у меня в глазах сразу появлялся кадр из «Криминального чтива», где Мия лежит на диване с закатившимися глазами, из носа течет кровь, а изо рта – какая-то желтая жидкость. Я увидела этот кадр еще лет в десять, когда родители смотрели этот фильм на кассете. Папа сказал: «Отвернись», – но было уже поздно.

«Она приняла кокаин и героин, доча. Это самые сильные наркотики», – пришлось пояснить папе. Больше информации о наркотиках я за всю жизнь от родителей не удостоилась. И потому картина, как Дэниел заходит в комнату этого

белобрысого парнишки, до сих пор стоит у меня перед глазами. Внутри все перевернулось. Я решила, что Дэнни пытаются затащить на темную сторону жизни и он поддался искушению.

– Ты заходишь? – переспросил он меня.

Смотреть, как его убивают, я точно не собиралась. Это его первый раз или нет? Боже… Что, если у него начнется зависимость и он умрет? Но говорить ему, что делать, я не могу.

– Нет… Я не пойду туда.

– Тогда мы закроем дверь, – сказал белобрысый парень.

– Подожди меня во дворе, я скоро вернусь, – говорит мой кислород.

Я поплелась во двор, он был переполнен людьми. Яна сидела в компании русских ребят. Дэнни скоро вернулся, но я так ошалела, что не могла с ним даже разговаривать. Он пошел к своей компании, а я все сидела, опустошенная, рядом с Яной и вырисовывала на ноге слово «stay». В конце концов, он подошел ко мне. Я стала орать, что кокаин – это как героин, а он рассмеялся, взял меня за обе руки и сказал:

– Даша, посмотри на меня… Посмотри на меня.

Я подняла взгляд.

– Я в порядке. Ты видишь, я в порядке?

– Ты под кокаином! Я не хочу с тобой разговаривать, пока ты под наркотиком!

– Даша, это просто кокаин!

– Просто?! Кокаин – это почти как героин!

– Ха-ха! Нет, конечно! Я бы в жизни не стал принимать героин!

– А в чем разница?

– Во всем. Даша, посмотри на меня, ты видишь, я в порядке?

Я посмотрела на него несчастными глазами и вгляделась в зрачки. Они не были расширены. Руки не тряслись. Язык не заплетался.

– Но это вредно, вредно для тебя! Пожалуйста, не принимай кокаин! Пожалуйста!

Он снова засмеялся.

– Хорошо, если для тебя это так важно. В любом случае я практически никогда этого не делал. Не переживай.

Но я переживала уже по совсем другой причине. Проанализировав свою реакцию, я поняла, что схожу по этому парню с ума. Я влюбилась до невозможной для самой себя степени. Это осознание будто пронзило меня стрелой. Мы шли в очередной бар с его приятелями, которые явно считали меня бесполезной дурочкой. Мое сердце упало куда-то далеко. Я была в растерянности. И тут начался дождь. Он всегда так делает, мой главный друг. Я уж не знаю, то ли я подстраиваюсь под погоду, то ли она под меня, но наши настроения всегда совпадают. В самые отчаянные моменты моей жизни всегда начинается дождь. Города, которые любят меня, тоже всегда плачут, когда я уезжаю. Если начинается дождь – значит, моя любовь была взаимной. Я не могла больше идти. Я, задыхаясь и раскинув руки, упала на газон. Его друзья сразу стали кричать:

– Что она делает? Дэн, идем!

Он встал столбом рядом со мной. Капли падали мне на лицо, а я лишь смеялась как сумасшедшая. И тут вместо того чтобы пойти за друзьями, он лег на мокрую траву рядом со мной, положив голову на мою ладонь. А его друзья так и остались стоять и кричать на нас. Это был один из тех моментов, который кладешь в шкатулку памяти. Ту шкатулку, что потом покажешь Богу со словами: «Смотри. Я жил».

Мы сходили с ума вместе. Нам было совершенно плевать на весь мир, он стал вдруг просто декорациями к нашему счастью. Днем мы плавали в океане, и он учил меня, как распознать, что говорят друг другу под водой дельфины, вечером шатались по разным барам с друзьями, а по ночам прокрадывались в мою гостиную и раскладывали там старый скрипучий диван. Десять человек в соседней комнате, конечно, ничего не подозревали. Или же шли в его общажную комнату к мужикам и жгли не на шутку там, стараясь не разбудить его друга в наушниках на соседней кровати и махая ручкой соседу за перегородкой в моменты, когда я была сверху. У нас были одинаковые инициалы, одинаковое число рождения, одинаковый мир. Он был такой же, как я, только умнее, сильнее и лучше.

Но время… Эта жестокая штука – время – работала против нас. Дэниел и так задержался в Вирджинии из-за меня. Но наконец они купили машину для дальнейшего путешествия, и пришла пора продолжать путь. Я хотела присоединиться, готова была все бросить. Да и что бросать? Но его друг был категорически против, он попросту меня ненавидел. План-то был кадрить американских девок вместе, а тут я со своим ломаным английским украла его «второго пилота». Один раз этот регбист написал мне с телефона Дэниела «fuck you, you russian cunt».

– А что такое «cunt»? – переспросила я с утра Дэниела. Он же, в свою очередь, хоть и извинялся, но считал некрасивым кидать приятеля и оставаться со мной. Короче говоря, решение было принято. Душа ушла в пятки. Я не могла и думать о том, что завтра его здесь может не быть. Мы провели последнюю ночь вместе в его общажной комнате. К пяти утра на трясущихся от изнеможения ногах мы выпали из комнаты на деревянную лестницу и вытащили каждый по последней сигарете из одинаковых пачек «Мальборо». Символичнее не могло и быть. Тогда-то я и начала традицию, которая длится и по сей день. В темном углу комнаты я откопала лист и фломастер и обвела его руку. Мне хотелось сохранить хоть что-то. Так я могла прикладывать свою ладонь к его еще сколько угодно раз. Впоследствии до меня дойдет, что мне еще не раз предстоит прощаться с людьми. Наверное, это первое главное испытание дороги – научиться говорить «goodbye».

Второй обведенной рукой будет рука Антонио, а вернувшись домой, я заведу черный блокнот Moleskinec с Маленьким принцем на обложке. Туда я стану обводить руки всех, кто стал мне дорог, говоря им одну и ту же фразу: «Это теперь твоя страница. Делай с ней, что хочешь. Я увижу ее снова, только когда

буду сидеть в самолете». За шесть лет я нарушила этот закон всего три раза. Но листочки с ладонями Дэниела и Антонио я все-таки где-то потеряю.

В тот роковой день, когда мы прощались с Дэниелом, было довольно жарко. Он затолкал свой рюкзак в багажник и подошел попрощаться. Чтобы не сказать ничего лишнего, я просто продолжала курить одну сигарету за другой. Сколько откровений хранят в себе эти сигареты… Сколько чувств мы умолчали, чиркая зажигалкой. Он снял с себя мою любимую синюю футболку, улыбнулся и сказал:

– Отдашь, когда встретимся в следующий раз, окей?

– Окей.

Мы уставились друг на друга. Он вздохнул, качая головой:

– Such a beautiful nightmare[5 - «Какой прекрасный кошмар».]…

Машина повернула за угол, и я осталась стоять одна на пустом перекрестке. Жизнь оборвалась. Я легла на раскаленный асфальт и лежала так, пока ко мне не подъехал коп, сообщив, что люди переживают, что я мертва, и попросил меня встать и все-таки дойти до дома. Я поднялась по пожарной лестнице одна и просидела на балконе полдня. Мне казалось, что мое лицо отморозило. Ни одна мышца не двигалась. Я не плакала, нет. Я просто как будто умерла. Я даже сфотографировала тогда свое загоревшее лицо с белыми следами от очков-сердечек, проверив тем самым, что оно вообще на месте.

Месяц прошел незаметно. Потому что меня в нем не существовало. Я ходила как робот, ела и спала как робот. Каждый день мои глаза вылавливали на улицах синие футболки, и на долю секунды мне мерещилось, что это Дэниел, а потом я вспоминала, что его футболка лежит у меня. Единственными стоящими моментами жизни были его смс. Я оживала только для того, чтобы прочитать их и ответить. А потом снова впадала в кому. В башке по кругу играла песня «Оазиз» «Stop crying your heart out». Сама не знаю, откуда она всплыла в моей голове. Я даже не знала тогда, кто ее поет. Эти клавиши пианино сами звучали в моей голове каждый вечер. «Get up!» – орал солист, и я вставала и шла на работу, пряча от всех за солнечными очками свои глаза, до краев наполненные пустотой. «Не бойся, судьба согреет тебя», – повторяла я в своей голове по кругу, даря себе надежду. Моей единственной поддержкой был Антонио. Мне

кажется, к этому моменту он уже горячо меня любил, но моя голова была забита Дэнни, и я отвергала все его попытки стать больше, чем просто друзьями. Мы встречались по вечерам на балконе и слушали Синатру. Ему не оставалось ничего, кроме как ходить на свидания с другими девушками и не думать обо мне. Как-то он, кажется, даже признался мне в любви. И если бы не Дэниел, может быть, между нами что-то и было бы. Но я была безутешна и думала только о покинувшей меня любви.

1 new message: Привет, красотка. Что нового? Мы застряли в пустыне на полпути в никуда. Мотор машины сломался, и теперь мы пытаемся починить его подручными средствами. Надеюсь, у тебя все хорошо. xx[6 - XX обозначают поцелуи. Англичане используют эти символы в конце сообщения, как мы пишем «целую» (прим. автора).]

За месяц мне удалось отложить тысячу долларов, а Дэниел тем временем пересек уже половину Америки и добрался до Денвера, где его отмороженный приятель подрался в баре и теперь был приглашен в суд. Судебные разбирательства должны были длиться по меньшей мере месяц, а Дэниел был единственным свидетелем происходящего со стороны обвиняемого. Короче, они застряли. Дэниел стал искать работу и жилье, в итоге они сняли маленькую студию на цокольном этаже вместе с черным парнишкой Томом. Какие-то знакомые пристроили Дэна на работу: создавать богатым дядям и тетям красивые сады. В Америке это достаточно распространенная профессия, называется Gardering. Словом, теперь, когда они никуда не ехали, Дэнни позвал меня к себе. Я, конечно, согласилась. По счастливому стечению обстоятельств, единственный человек, которого я знала в Штатах до того, как приехала сюда, тоже жил в Денвере. Я говорю о своем однокласснике Кирилле Слесаренко. Когда он переезжал, мы прощались с ним всем нашим маленьким городом как будто навсегда. Парень, в свою очередь, от ужаса так нажрался, что закончил прощальную вечеринку в больнице. Так вот, чтобы подстраховаться, я написала сначала ему. Кирилл сказал, что готов меня приютить и будет чертовски рад видеть. И я купила билет до Денвера. Не знаю, о чем я думала… Билет на самолет стоил примерно столько же, но мне даже в голову не пришло тогда, что можно было лететь, а не ехать. В любом случае Greyhound[7 - Название самой старой автобусной компании США. Автобусы с надписью «Greyhound», в переводе «Серая Борзая», можно увидеть еще в таких фильмах, как, например, «Завтрак у Тиффани» (прим. автора).], самая старая и дешевая компания автобусов в Америке, выдала мне билет длиннее моего роста. Мне предстояло ехать через поля этой огромной страны трое суток. Сердце бешено колотилось в преддверии приключений. Этот маленький город мне порядком поднадоел, но,

когда роковой день наступил, я с синдромом выпускника прощалась со всеми перилами по очереди.

Когда мой Иисус узнал, куда и зачем я собралась ехать, то чуть с ума не сошел. Оказалось, в Америке автобусами, тем более «Грейхаундом», пользуются только те, кто не хочет палить свой паспорт: при покупке билета на самолет его обязательно спросят, а здесь нет. Что, по сути, означало одно: мне предстояло провести трое суток с довольно колоритным контингентом. Отговаривать меня было бесполезно. Отплевавшись и поворчав, Иисус дал мне несколько инструкций.

1. Садиться в самом начале автобуса, чтобы водитель видел, что со мной происходит.

2. Садиться рядом с женщинами.

3. Не садиться рядом с афроамериканцами.

Яна в тот же день уезжала в Нью-Йорк, а оттуда собиралась лететь обратно домой. За два месяца она окончательно охмурила сыночка босса отеля, но так ему и не дала. Бедный парень спрашивал у меня сто раз, что же ему еще сделать. Но Яне ее поведение недотроги казалось подобающим воспитанием в нем чувств. Эти хитрые женщины.

– А как же Стив?

– Да не знаю… Может быть, вернусь сюда следующим летом, посмотрим… Приехали вчера к нему домой… Ну он, конечно, как обычно, начал мне все на свете предлагать…

– «Я подарю тебе эту звезду»[8 - Цитата из советского мультфильма «Дарю тебе звезду» (прим. автора).]…

– Нет, он там че-то про мир говорит… World – это ж мир?

Рано утром она проводила меня на автобус, мы обнялись и попрощались. Столько всего было пережито вместе. И несмотря на то, какими разными мы

были, еще пару лет мы периодически пересекались в «Шоколадницах» Москвы и ностальгировали по нашему лету, согревая друг друга под серым безразличным небом нашей кармической страны. Но все это было потом… А сейчас начиналась моя самая первая и долгая дорога к счастью. На входе в автобус большой угрюмый негр в синей форме и дурацкой фуражке, которую он ненавидел так же сильно, как и свою работу, оторвал первый кусочек моего бесконечного билета «Вирджиния – Ричмонд». Тут до меня дошло, почему он был такой длинный, этот билет. Количество его составляющих равнялось количеству пересадок в разных городах. То есть восемь. Я села в самое начало автобуса и выдохнула. Меня ждали первые дорожные приключения. В Ричмонде я сделала пересадку. Следующий автобус должен был увезти меня в Филадельфию, но до него было еще пару часов. Автобусная станция была заполнена неграми и странной внешности людьми. В Америке таких называют «creep». Знаю, тебе это слово знакомо только из песни «Radiohead». Непонятно, как назвать таких людей по-русски. Они не то чтобы на наркотиках или в припадке, но что-то с ними не так. Перекошенные лица, странные движения… В общем, те еще типчики. Наконец темнокожая дамочка начала кричать: «Филадельфия!» – и я выстроилась в очередь с остальными. Рядом со мной стояла коротенькая девушка с веснушками, она предложила сесть рядом, и я обрадовалась. Нам предстояло проехать вместе всю ночь.

Вместе с дорогой история ее жизни раскручивалась передо мной, как клубок. Девочке было семнадцать. Пять лет назад она ушла из дома, добралась до Вирджинии, где познакомилась с тридцатипятилетним мужиком с тремя детьми, втюрилась в него и стала жить с ним. Только вот он был тот еще псих и недавно, судя по истории, кого-то застрелил. Теперь он сидел и ждал решения судьи, а девочка без денег и жилья спустя пять лет возвращается домой сообщить маме, что она беременна. Ближе к ночи она попросила у меня телефон позвонить своему парню как раз в тот момент, когда он узнал приговор: десять лет. Чувак, видимо, решил, что есть варик сократить это время и вышибить себе мозги прямо сейчас. И вот она начинает в истерике орать: «No, baby, please, don’t kill yourself!» – и странно трястись. Выясняется, что у девки боязнь закрытых пространств – добавь к этому немножко нервов, и у нее уже чуть ли не пена изо рта. Ее начинает трясти, как при эпилепсии. Я хватаю ее за руку. Она задыхается. Всю ночь я успокаивала ее и проклинала совет садиться с девочками. Следующим пунктом был Чикаго. Зайдя в автобус, я стала искать кого-то более разумного в качестве соседа и увидела вдруг маленького мальчика с большой плюшевой обезьяной в руках. Подсев к нему, я заметила на его руке татуировку – красную звезду. Дабы завести разговор, я спросила, не с восемнадцати ли можно бить в Штатах тату.

– Мне тридцать два, – ответила бритая лесбиянка и продолжила играть во что-то на приставке. Больше мы не общались.

Мы выехали в центральную Америку, где, кроме дома Элли и кукурузных полей, ничего не найти. И я увидела очень странно разодетых людей. Сначала подумала, что это актеры выездного театра и потому в костюмах. Они были одеты в деревенскую одежду, но ту, которую носили два века назад. Женщины были в кокошниках и пышных юбках до пола, на мужчинах были соломенные шляпы с полями, брюки на подтяжках и жилетки. На лицах красовались длинные бороды. В руках были старые кожаные чемоданы.

– Простите, не знаете, почему они так одеты? – спросила я соседа по лавке.

– Наверное, они амиши.

– Армиши? Из армии? Что?

– Нет-нет, А-МИ-ШИ. Они очень религиозные. Они отрицают прогресс и живут в деревнях без электричества и новых технологий. Ездят на лошадях. Это целое движение в Америке.

– Вы серьезно?

– О да.

– Но если они отрицают прогресс, то почему ездят на автобусах?

– Вот в чем вопрос…

Не знаю, как я пережила оставшуюся дорогу. Три ночи я спала сидя, сделав подушку из свитера и укутавшись в остальные теплые вещи. Ступенька под ногами, систему работы которой я разгадала автобусе на пятом, немножко спасала, но не задницу и спину. Каждые пару часов какая-то из частей тела затекала, и я сонно выпрямлялась, вглядываясь в бесконечные черные поля. Фары автобуса освещали прямую дорогу в бесконечность и разметку – пеструю ленту-змею. Все семьдесят два часа я крутила в воображении сцену, как мы встретимся. Грязная, уставшая, но счастливая, я наконец-то ворвалась в Денвер

– главное пристанище керуаковских героев, о которых, как и о самом Керуаке, я тогда еще и слыхом не слыхивала. Я не могла предстать перед Дэниелом в таком виде и с чемоданом в руках. За четыре года отношений я хорошо уяснила: чтобы мужчина тебя любил, нельзя ему навязываться. Я пересела на нужный автобус, и тот унес меня подальше от центра, к дому Кирилла Слесаренко. Кирилл был угрюмым и странным парнем. Он жил со своей мамой и отчимом. Его младшая сестра забавно перемешивала английские и русские слова в речи.

– А это что у тебя, peecock? – сказала она, рассматривая мои сережки с павлиньими перьями.

– Кто?

– Пииикок!

– А! «Пикок» – это павлин! Да!

У его дома был общий бассейн, и мы пошли купаться. Как можно не радоваться жизни, когда у тебя рядом бассейн, подумала я. Мы обсуждали, что случилось со всеми одноклассниками и как дела дома в России, но мне не было никакого дела до всего этого. Я уже давно набрала эсэмэску «I’m in Denver» и ждала ответ. Дэниел пропадал где-то на футбольном матче до самого вечера. Как только я разобралась, где нахожусь, сообщила ему свои координаты, и мы договорились встретиться у торгового центра поблизости.

Когда настал заветный час, мы со Слесаренко и его толстеньким приятелем, неудачником на вид, отправились туда. Я не хотела, чтобы пацаны шли со мной, но они настояли. Кирилл вообще был не в курсе, что я не собираюсь жить с ним, а использую его дом как перевалочный пункт. Кроме того, он был знаком с Димой. Мне не хотелось, чтобы он понял, что я с Дэниелом в каких-то отношениях, а значит, пришлось быть сдержанной. Пока мы стояли на парковке у центра и ждали, когда подъедет Дэниел, я притворялась, что слушаю, о чем они говорят, но на самом деле не улавливала ни слова. В ушах гудела невыносимая тишина ожидания. Я молча воровала сигареты у толстого парня, одну за одной. А они тут дорогие, и так делать не принято.

– Там шарик такой в фильтре, можешь его щелкнуть – сигарета станет ментоловой, – бурчит он.

– Что??? Это как??? – я такого еще не видела: в России тогда только начали появляться сигареты с кнопкой.

– Ну, щелкни просто. Дай!

Он проделал все за меня и вернул сигарету. Но мне не понравилось. От нервов я ничего не поела, и никотина хватило на то, чтобы руки опять затряслись. И тут среди рядов машин я увидела его. Он шел мне навстречу. Клянусь, я запомню этот момент навсегда. Я моментально забыла обо всех приличиях и декорациях вокруг. Мне стало так искренне все равно, какой это город, страна и планета. Я просто побежала и, чуть не сбив его с ног, вцепилась, обняв за шею, и только и повторяла, что такого не может быть. Мы сразу поняли, что от парней надо избавляться и ехать к нему. Я кое-как извинилась перед Кириллом и сказала, что вернусь завтра. Ему оставалось только принять такой расклад.

Мы сели в машину, Дэниел повернул ключ, и заиграла та самая песня «Oasis», которую я беспричинно крутила в своей голове весь этот месяц. Мне кажется, такими моментами судьба подсказывает нам, что все идет по плану. Нити связались в узелок. Мы взялись за руки и уехали в закат длиной в сорок два дня. Таким был срок моего притупляющего счастья.

Комната-студия, в которую вписался Дэниел, находилась в самом сердце Денвера. Отсюда было рукой подать до Сити-холла, Капитолия, Центрального парка, Художественного музея причудливой формы и любимой улицы всех бродяг, 16-й. Хоть мы и жили в подвале, куда практически не попадал дневной свет, а кухня была прямо в комнате, это все еще было жилье, и оно было нашим. Его друг-регбист переехал на другую квартиру, и мы остались делить студию с черным пареньком Томом. Так я оказалась окружена афроамериканским и английским акцентами. Ничего, мать его, не может быть более неразборчивым, чем эти два акцента. Но кажется, от этого мой английский довольно скоро прокачался до солидного уровня.

Рано утром Дэниел уходил на работу, оставляя мне на журнальном столике несколько сигарет, и возвращался лишь ночью. Потому мы часто зависали с Томом. Том научил меня врываться на любые домашние вечеринки, которые так любят в Америке. Ему было лет двадцать, и он переехал в Денвер один. Его мама воспитывала еще несколько детей где-то в Мичигане, отца и в помине не было, поэтому мальчик не понаслышке знал, как выживать на суровых улицах

реальности. Главным образом мы шли на вечеринки, чтобы бесплатно выпить и пожрать.

– Что, мы вот так просто постучим в дверь к незнакомым людям?

– Ты русская, я черный! Кам он, детка, таким составом мы можем ворваться хоть к Обаме! – говорил он, забегая на крыльцо дома, откуда раздавалось больше всего шума.

Дверь всегда была открыта, и мы входили без спросу. Том с лету хватал мне и себе по банке пива со стола, проходил через весь дом так, будто тусует здесь каждый день, и выходил на задний двор, освещенный фонариками. Одним ребятам он говорит, что он друг некоего Майка, а после уже представлялся другом тех, с кем на самом деле только что познакомился. Так мы коротали вечера, вываливаясь пьяными и сытыми обратно на улицы Денвера и смеясь в ночь. Дома нас уже ждал Дэниел с пиццей. Мы накуривались и играли в Фифу. Денвер был первым городом в Штатах, легализовавшим марихуану. Кажется, тогда-то я и скурила всю свою память. Для меня было в диковинку, что можно прийти в магазин, где стоит врач в белом халате и говорит: «Здравствуйте! Какой вид марихуаны предпочитаете?» Мы предпочитали сорт под названием «LA woman».

Фишка была в том, что марихуану здесь стали считать лекарственной травой. Ее прописывали от болей и для расслабления. В Америке для этого есть охуенное слово «anxiety». Оно значит, что ты слишком бешеный. Родители пичкают своих детей таблетками, если они слишком бесятся в школе… И все это доведено до полного идиотизма. Ничто не мешает тебе сказать: «Я слишком бешеный – пропишите мне травы» или «Я слишком бешеный, мне нужна собака». Кстати, о собаках. Если хочешь брать с собой свою собаку ВЕЗДЕ, вплоть до того, чтобы посадить ее на коленки в самолете, все, что тебе нужно сделать, – надеть на псину куртку, на которой написано «service dog». Эта идея свободы воли в США перешагнула все грани абсурда. Посади себе на плечо игрушечного динозавра и скажи, что это твой бог. Все постесняются сказать, что ты ебанько. А касательно травы суть проста. Чтобы тебе продали ее официально – нужен prescription. Всегда забываю, как это по-русски… А, точно! Рецепт! Приходишь к своему лечащему врачу и жалуешься на боль в спине. Done! Словом, сутками напролет мы занимались всем, чем занимаются подростки, дорвавшиеся до свободы: пили, курили и занимались сексом. Да, мы с Дэниелом трахались как дикие. На всех языках, днями и ночами напролет. Когда к нам заходили друзья, уже через час

мы предлагали им прогуляться до кафешки и поужинать без нас. Возвращаясь, они находили перевернутую вверх дном квартиру, сдвинутую в разные углы мебель и нас, путающихся в простынях, провалившихся в щель между кроватью и диваном. Мы не могли оторваться друг от друга. Ночная жизнь мне, правда, была фактически запрещена. Меня не пускали ни в какие клубы, потому что мне не было двадцати одного. Но одну ночь мы все же провели в клубе, позаимствовав ID у одной знакомой, отдаленно смахивающей на меня. К счастью, большой угрюмый негр, сидящий на барном табурете на входе, в темноте не заметил, что на фото другая девушка.

Однако и тогда мы с Дэниелом не смогли оторваться друг от друга и уже через час пролезли вдвоем на крышу клуба, оставив друзей внизу. Там был деревянный забор, за которым проходила какая-то вечеринка на крыше, принадлежащей соседнему клубу. Дэниел прижимал меня к этому забору всеми сторонами. В порыве страсти я не заметила, как мои ладони и попа забились занозами. Было так больно, что оставаться в клубе до утра было невозможно. Ночь мы закончили на полу нашей ванной. Пьяная и уставшая, я стонала, пока Дэниел вытаскивал из моих ладоней занозы тупым заржавевшим ножом. Я запомнила этот момент как одно из самых романтичных событий моей жизни. Большинство вечеров мы, однако, проводили совсем по-другому. Мы любили брать бутылку вина в магазине (я всегда ждала его у входа, потому что, если я была рядом, продавщица требовала и мой ID) и прятаться в огромном цветочном саду прямо напротив мэрии в Сивик-Сентрал-парке. Там были лабиринты из цветов, которые служили нам идеальным укрытием: можно было лечь и оказаться наедине со звездами, далеким шумом голосов и изредка проезжающих машин. Мы лежали головами друг у друга на бедрах и делились секретами. Я узнала о его предыдущих отношениях, которые он только успел пережить. Самое интересное в людях – это их боль. Еще интереснее она становится, когда человек пытается ее скрыть так глубоко, что и сам уже забыл. Но где-то там она есть. И это, пожалуй, самое сокровенное. Я любила в нем его прижженные сигаретами и спиртом раны и то, насколько сильнее он стал.

Глава 4

Last Night in Denver

Летние романы заканчиваются по разным причинам. Столько говорится и делается, но исход всегда один. Они как падающая звезда – захватывающее мгновение вспышки небес, мимолетный проблеск вечности, только вспыхнула, и ее уже нет.

Николас Спаркс

Я не знаю, как это объяснить. Он был моим счастьем в чистом виде. Мне казалось, что я вышла в параллельный с этим мир, где все по-другому. Здесь были другие законы. Вдалеке от своих родных стран мы жили сегодняшним днем, без понятий «хорошо» и «плохо». Мы делали, что хотели, каждую минуту. Все было ново, все в кайф. И казалось, что вообще не надо будет умирать. Но сорок дней прошли. Ради того, чтобы остаться с ним, я отказалась от поездки к Тихому океану, о которой мечтала изначально, и купила билет до Нью-Йорка, откуда меня ждал обратный самолет до Москвы.

В ту роковую ночь, когда такси до аэропорта должно было меня забрать, я впервые по-настоящему прощалась с человеком. Сидя на полу в углу нашего дома, я призналась ему в любви. До этого такие слова просто застревали у меня в горле. Ведь кто скажет «Я тебя люблю» первым – тот и проиграл. Все. Власть в руках другого человека. Кроме того, слова «I love you» для меня ничего не значили. Мне они только напоминали надписи на ногах у плюшевых мишек. Я постоянно говорила: «Дэниел» – и замолкала. Он отвечал: «What?» – и, вместо того чтобы сказать, что люблю, я быстро придумывала какой-нибудь вопрос. В этот раз я обратилась к нему в последний раз.

– Daniel…

– What?

– Как это все закончится?

Он опустил голову и ответил:

– Болезненно.

Я заплакала и сказала эти чертовы три слова. А он ответил:

– Не говори так. Не заставляй меня говорить тебе то же самое. Ты же уедешь. Я не хочу, чтобы мне было еще сложнее это пережить. Ты вернешься, увидишь своего мужа и снова полюбишь его. И будешь счастлива. Все у тебя будет хорошо.

Я понимала, что этого не произойдет, но не стала отвечать. Тогда я посчитала, что если бы он действительно хотел, чтобы я осталась, то не стал бы слать меня к мужу. Несмотря на то что я чувствовала ответственность за свою платную учебу перед родителями, всего одного его слова хватило бы, чтобы наплевать на всю свою распланированную жизнь и остаться. Stay. Всего одно «stay», и я осталась бы. Но его не последовало. Я хотела сказать: «Я тебя люблю! Не позволяй мне уехать! Я не могу представить жизни без тебя! Я боюсь, что никогда не смогу это пережить, что никто не сможет сделать меня такой счастливой. Останься! Что, если бы мы могли быть счастливы вместе!» Но вместо этого заткнула себя сигаретой и попросила зажигалку.

За два часа до приезда такси мы залезли на крышу и спрятались там от времени. Невыносимо было считать минуты до смерти. Где-то в глубине души я понимала, какова вероятность, что мы больше никогда не увидимся. Судьба собиралась отнять у меня кислород, и я всячески пыталась об этом не думать. Я лежала у него на руках и следила за собственным дыханием, чтобы не сойти с ума. Нечего было сказать. Мы прощались у двери нашего дома. Водитель такси заталкивает мой чемодан в свой минивэн. Мы договариваемся с Дэниелом встретиться на Бали через три года. Говорим про серфинг. Он был серфером и сказал, что давно мечтает полететь на этот остров. Хрен его знает, где он находится и смогу ли я вообще серфить… Мне было все равно. Он мог ткнуть в любую точку мира, и я принеслась бы туда. Мы обнимаемся, и он говорит коронное: «I’ll see you. Eventually»[9 - «Мы встретимся. В конце концов».].

Я села в такси, мотор завелся. Из окна отъезжающей машины я смотрела, как он перепрыгивает через забор и идет в дом, где меня больше нет. Мне тогда казалось, что в мое сердце воткнули заточку и заставили с ней жить. С этой секунды расстояние между мной и моим счастьем увеличивалось в геометрической прогрессии. Мне хотелось бежать обратно. Каждый шаг в противоположную от него сторону был сделан через силу.

Я специально прилетела в Нью-Йорк за неделю до рейса в Москву – чтобы прийти в себя. Сидя в кафе, я наблюдала за движением желтых такси за окном и слушала песню, которая начинается со строчек «There’s still a little bit of your

taste in my mouth», записывая нашу историю. И тогда я пообещала себе, что не стану притворяться, будто это было «не то». Что не дойду до стадии «да он мудак, это была ошибка, которую нужно забыть». Люди делают так просто потому, что им от этого становится легче. Я сохраню это чувство в себе и буду благодарна просто за то, что оно было в моей жизни.

Оказавшись в Нью-Йорке, я впервые вписалась к незнакомцу по каучсерфингу в районе Астория. Конечно, встретиться с человеком и наперед знать, что, каким бы он ни оказался, сегодня ты все равно ночуешь у него, – довольно странное чувство. Что, если он меня изнасилует и выкинет на улицу? Но прикол разбитого сердца в том, что тебе нет дела до собственной судьбы, ибо самое худшее уже случилось.

Его квартира походила на буддистский храм: свечи, благовония, загадочные статуэтки… Приглушенный оранжевый свет. К стенам приклеены фотографии, и к каждой есть подпись маркером прямо на стене. Руки хозяина-латиноамериканца были покрыты не менее загадочными татуировками с текстами, огибающими накачанные руки. Он отдал мне свою комнату с огромной королевской постелью, а сам пошел спать на диване. Зачастую люди оказываются куда добрее, чем мы думаем. Я рассказала хозяину квартиры нашу безумную историю, выкурила несколько сигарет, выпила пару бокалов вина, сходила в душ, надела футболку Дэниела и расплакалась как дура, обнимая себя. Он исчез из моей жизни так же внезапно, как и появился, как будто его никогда не было.

Несколько дней я старалась восстановиться и морально подготовиться к возвращению в Россию. К этому моменту я уже забыла, как говорить по-русски. Марсель Либрерос, мой хост, сказал мне: «Ты либо влюбишься в Нью-Йорк, либо возненавидишь его. Равнодушных не остается».

На следующее утро я набралась храбрости и попросила у него фотоаппарат – его огромную зеркалку. Я не разбираюсь в камерах, но тут по одному только весу было ясно, что в случае потери мне придется продавать почку. Он повесил ремешок камеры мне на шею, проводил до метро и рассказал, как добраться до центра. Я много гуляла по Центральному парку, облазала статую Алисы в стране чудес и наблюдала за тем, как люди складывают цветы на мемориал Джону Леннону со словом «Imagine». Сентрал-парк – это отдельный маленький город внутри Нью-Йорка. Здесь все время что-то происходит… Тут бегают и занимаются йогой, рисуют пейзажи на мольбертах, катаются на велосипедах,

кучеры в мантиях с красным подбоем приглашают прокатиться по городу в карете. Парк очень зеленый, и в нем прячутся зоопарк, озера, замки, мосты, Главный художественный музей и еще сто пятьсот чудес. Каждый приличный житель Нью-Йорка проводит свадебную фотосессию именно здесь… Вот и сейчас молодожены гуляли по берегу одного из озер. За этим наблюдает бабуля, кидающая кусочки хлеба лоснящимся от лишнего корма уткам. У фонтана на входе шайка парней танцует брейк-данс, а мимо в лодках проплывают целующиеся влюбленные, которые не теряют весла лишь потому, что их давно прибили гвоздями. И несмотря на то, что в день парк посещает около семидесяти тысяч человек, каким-то образом в нем все равно просторно и есть где укрыться от посторонних глаз. Вскоре я проведала, что красивый дом с причудливой крышей напротив мемориала «Imagine» – и есть то здание, где Леннон жил свои последние годы вместе с женой Йоко Оно и что именно тут его застрелили. Ты знаешь, что Джона Леннона убил его же фанат? Он подошел к нему сзади, окликнул словами: «Эй, Мистер Леннон!» – и выпустил пять пуль. Марсель Либрерос рассказал, что Йоко все так же живет в том доме с их сыном, и я решила, что хочу ее увидеть. Я подошла к той самой арке дома, где Джон погиб, закорефанилась с охранником и выведала, в какое время Йоко Оно возвращается домой. Потом взяла кофе и уселась напротив входа – следить. Вскоре я и правда ее увидела. Она была в темных очках и берете. Сколько помнят ее глаза? Сколько всего, что казалось мне далекой сказкой, заветным временем, в котором хотелось бы жить? Сколько цветов она переносила за ухом, сколько тысяч фанатов наблюдала из-за кулис? Теперь это была уставшая пожилая женщина в неприметной одежде темных тонов… Время, что же ты делаешь со своими героями?

Я влюбилась в Нью-Йорк не сразу, но это произошло. Сложно объяснить, но, попадая в этот город, сразу чувствуешь себя причастным. Большинство его жителей – приезжие. Они гнались за свободой и самовыражением и добились-таки своего. Здесь как-то само собой получается, что ты всегда одет по первой моде, стоит только зайти в любой, даже самый дешевый магазин одежды типа «Forever 21». Ни в каком другом городе я не ловила такого воодушевления от простой прогулки: стоит только впервые пересечь Бруклин-бридж или потеряться на Таймс-сквер, как кажется, что ты часть какого-то большого кино. Но в свою первую поездку я не могла все это оценить. Мне было плохо, и реальность отвечала тем же дерьмом. Второй хост, к которому я вписывалась в Сохо, просто не пришел домой, и я спала на лестнице, обнимая чемодан, рядом с бомжом. Сидя на ступеньках пустой улицы под шум мусороуборочных машин (только в этом городе принято оставлять огромные мешки мусора прямо на тротуаре), мы с ним завели какой-то простой разговор о смысле жизни. Меня

тогда поразило и одновременно порадовало то, что я способна найти общий язык даже с пропитым бездомным. Почему-то рядом с ним я чувствовала себя более уютно, чем в какой-нибудь пафосной компании. Наверное, потому, что он не притворялся, а значит, и я могла быть настоящей. Бездомный не посмотрит на тебя сверху вниз. Ему нечего терять, и оттого он прекрасен.

С утра я злилась на Нью-Йорк за то, что тот не предупредил меня о своей темной стороне. О том, какие маленькие тут квартирки у простых смертных, о том, сколько здесь бедности и криминала, и о том, как сложно каждый раз затаскивать чемодан по высоким ступеням метро. Но все это окупалось приятными моментами полной непредсказуемости, когда из грязи ты попадаешь в князи. Так, в последнюю ночь главный город мира все-таки решил меня приобнять. Уже третий хост (оставаться по каучсерфингу принято не дольше нескольких дней) позвал меня на вечеринку. Я в это время шла по мокрому от дождя городу с кучей пакетов с новыми шмотками в руках, цокая шлепками по пяткам и поливая тем самым свои джинсы грязной водой из луж. Карта привела меня к гигантскому небоскребу. Такого поворота я никак не ожидала.

– Hey! I’m here.

– Поднимайся на 52-й этаж, сдавай вещи и проходи.

На том самом 52-м меня встретила модельной внешности девушка в обтягивающем черном платье, такая высокая и красивая, что казалось, будто ее слепили из фарфора. Одно неловкое движение – и она разобьется. Девушка не подала виду, что обратила внимание на мой неуклюжий вид. Из ниоткуда в ее руках появилась вешалка. Она взяла мою куртку и движением руки показала, куда идти. И вот я в шлепках, растянутой футболке и джинсах выхожу в какого-то Кубрика: квартира, если можно ее так назвать, занимала весь этаж. Вместо стен – стекло, откуда открывается вид на весь ночной Нью-Йорк. Мужчины в костюмах, женщины в дорогих коктейльных платьях. В углу комнаты стоит огромный черный рояль, рядом с которым разместился маленький оркестр. Скрипка, контрабас и ударные. Барабанщик гладит свой инструмент кисточками, смычок девушки в красном взлетает вверх, пианист поправляет фалды фрака, и гости начинают аккуратно хлопать, пытаясь не пролить содержимое бокалов. Ну, твою мать. Я чувствую себя как уличный пес, который зашел за кем-то в открытую дверь. Но вот что поражает: никто и ухом не повел. Всем было совершенно наплевать на то, что я в шлепках и джинсах. Рамиро, мой хоуст, в костюме, конечно же, встретил меня с улыбкой. За сутки до мы накуривались с

этим дредастым парнем у него дома в Бруклине. Такого преображения я не ожидала.

– Почему ты не сказал мне, что тут все разодетые?!

– Да плевать. Наслаждайся. Что будешь пить?

– Есть шампанское?

Я выдохнула, взяла бокал и вышла на балкон. Впервые за эти дни мне стало хоть капельку легче. Ко мне присоединилась девочка откуда-то из Европы, которая тоже жила у Рамиро. За последние полтора месяца я вообще не общалась с женщинами и была чертовски рада тому, что могу поговорить с девчонкой по душам. Все, что я о ней помню, – это длинные каштановые волосы, смешной акцент и лучезарная, располагающая к себе улыбка. Мы ни черта не знали друг о друге, но обе впервые были в одиночном путешествии и еще не привыкли к этому соблазнительному умопомрачительному чувству, что мы вольны идти на все четыре стороны, еще и в Нью-Йорке. Сила наших впечатлений зашкаливала, вмиг превратив нас в лучших подруг. Нью-Йорк понес нас по своей извилистой, непредсказуемой реке… Черт его знает, что это было, но ближе к ночи мы уже сидели в любимом баре актера, играющего мистера Бига в «Сексе в большом городе», накурившись перед этим с каким-то бродвейским режиссером в подворотне, и чуть не падали с барных стульев от смеха. Весь мир летел в туннель. Пространство растягивало нас, как пластилин, а мы и не пытались сопротивляться. Какой-то португалец уже кусал мою Катерину за щеку, а я только и успевала, что сверкать своей маленькой мыльницей, пытаясь запечатлеть момент. Одни только туалеты, усыпанные живыми лепестками роз, с маленькими фонтанчиками и рыбками в углу здесь стоили больше, чем вся моя квартирка в Балашихе! Через час мы уже фоткались в кругу ментов на Таймс-сквер. В нормальной ситуации (в России) я бы подумала, что идти накуренными заигрывать с ментами – плохая затея. Делать это в чужой стране – идея еще хуже. Но нам было все равно! Следующий кадр – я отнимаю фуражку у одного из ментов, следующий – целую в щеку лошадь, следующий – жадно поглощаю чизкейк, лежа на кожаном диване без света дома. Где-то в промежутке этого всего мы, кажется, поцеловались с Катериной. Я больше никогда не встречу эту девушку, но она навсегда останется хранителем этого золотого мгновения моей жизни, которое нет смысла описывать. Это первое, дикое, резкое, отчаянное чувство вседозволенности и настоящей свободы можно только прожить. В последний день лета я оставила заметку на своей странице.

Заметка в дневнике:

31 августа 2010 года

Из моего путешествия я сделала вывод… Не знаю, как долго буду считать это гениальным, но записать нужно. Итак, мой вывод: каждый день, каждый час, каждую секунду необходимо давать себе отчет в том, что ты живешь так, как хочешь! Как ты сам организовал! Возьми ответственность за собственную жизнь, пока не проплыл как говно ее всю. Течение всегда с радостью понесет тебя, течение – это время. Оно не останавливается… И требуются смелость и решительность, чтобы сделать гребок. Так греби!

Глава 5

Первое возвращение домой

Заметка в дневнике:

21 августа 2010

Расскажу тебе сказку на ночь…

Как была за тридевять земель…

Как прошла огонь, воду и даже медные трубы…

Как каталась на Коньке-Горбунке, как попала к Кощею, как рубила головы змея, как сидела в подземелье, как искала огниво, как вырывала сердце из груди, чтоб найти дорогу…

Ты закроешь глаза, улыбнешься и уснешь.

Расскажу тебе сказку на ночь…

Только купи мне «Мальборо» за 50 рублей, захвати чего-нибудь покрепче…

И не спрашивай лишнего.

* * *

На следующее утро самолет забрал меня домой. Вернее, в то место, которое я привыкла называть домом. На деле это был ад и настоящее испытание. Родители встретили меня прямо в аэропорту. Светило солнце. Они смотрели на меня улыбаясь… Предполагалось, что я обрадуюсь, но улыбка с моего лица пропала уже на второй минуте… Тогда я впервые в своей жизни с ужасом осознала, что не знаю, кто я. Я понимаю, что сложно в это поверить, но за четыре месяца я разучилась говорить по-русски. Разучилась думать по-русски. Разучилась мириться с грязным воздухом, пробками, недовольными лицами, институтом, поездками в одну сторону в течение двух часов, сраными маршрутками, паршивой едой, дерьмовой погодой и тем фактом, что девять месяцев моей дальнейшей жизни будут практически одинаковыми.

Я вернулась совсем другой. Старая Даша попросту исчезла. А новая потерялась, ведь здесь ее никто не знал. Ей дали тело, декорации и условия игры старой Даши, и только новая Даша знала, что внутри-то теперь она, но что нужно играть роль и пытаться как-то соответствовать. На деле сердце ее было разбито, потому что было оно не здесь. А там, за океаном, куда теперь попасть не представлялось никакой возможности. Ей было с высокой колокольни плевать на все происходящее. У Даши был один смысл жизни, и звали его Дэниел.

Я просыпалась ночью и не могла понять, где нахожусь.

– What time is it? – говорила я Аллкашу, своей близкой подруге со времен школы.

Аллкашом мы ее прозвали не потому что она бухала (нам было двадцать, мы все бухали), а потому что Алла=Алка=Аллкаш.

– Ты опять говоришь по-английски, – отвечала она спросонья и снова отключалась.

Я превратилась в призрак человека, который не говорил ни о чем, кроме Дэниела. Мне было плевать, в чьи уши лить одну и ту же мелодию со всеми «мы же созданы друг для друга» мотивами. До тех пор, пока я ее рассказывала, я была в ней. Такая вот попытка остаться в моменте. А когда история заканчивалась, я искала новые уши и начинала все сначала. На вечеринках я напивалась и звонила в Штаты. Один раз он даже ответил. Его утробный, не похожий ни на какие окружающие меня здесь звуки голос был для меня каким-то лекарством от тоски.

Я поставила себе цель вернуться. Для этого я сдала свою однокомнатную квартирку в Балашихе за двадцатку, а сама переехала жить в двушку на «Выхино» с двумя пацанами из МГУ, где платила семерку, и параллельно с учебой подрабатывала оператором и рекрутером в «Гринпис» и преподавателем английского на дому. Квартирка была что надо: кажется, до нас в ней жила и откинулась какая-то бабушка, потому что воняло там ссаньем и, главное, плесенью. Хата гнила заживо. Грибок распространялся по стенам. Толчок постоянно ломался. Раковина и ванная текли так, что после мытья приходилось выносить целый таз воды. Окна на балконе были выбиты. Словом, атмосфера была что надо. Только заходя в другое помещение, я чувствовала, что все мои шмотки провоняли плесенью. Пацаны жили в большой комнате, а я спала на матрасе в маленькой. Парни эти вполне соответствовали квартире и моему состоянию. Они как будто были посланы мне, чисто чтобы добить. Жирные, страшные и вызывающие отвращение, вскоре они оба забросили учебу и начали гнить вместе с хатой. Кажется, вся долбоебская сторона души студента воплотилась в этих двух пацанах. Они считали смешным взболтать двухлитровую бутылку «Оболоня», приоткрыть крышку и пустить ее крутиться на моем полу, заливая матрас и вещи. Под Новый год, пока меня не было дома, кто-то из их друзей блеванул на мой «список дел на жизнь», который висел на стене, рыбным салатом. Рыбным салатом на мои мечты.

Мне, в общем-то, было похуй на все это, но моральное состояние угнетало жестко. Я стала катиться по наклонной, продолжая жить Дэниелом – вернее, тем, что от него осталось, то есть сообщениями на Фейсбуке. Писал он редко и всегда ночью по нашему времени. Поэтому каждую ночь я по три раза находила рукой ноутбук и перезагружала страницу в ожидании, что над значком письма появится красный квадратик. Если он появлялся, я перечитывала письмо по

несколько раз, пока не запоминала наизусть, и снова засыпала, повторяя его во сне. Если поле писем было пусто (а никто, кроме Дэниела, мне тогда не писал), день был серым и бессмысленным.

Утром я ехала в институт на «Бауманской», оттуда – в офис «Гринпис» на «Белорусской», поздно вечером добиралась до «Выхино» и залпом пила водку «Столичная». Смешно, что, пока во всем мире ее считают высококачественной, в России ее пьют только бомжи.

Как-то я не ела шестнадцать дней. Я просто не знала, как бы еще поиздеваться над своим телом, чтобы физическое состояние соответствовало моральному. Какие ощущения, если весь твой рацион – это вода? В целом жить можно. Сначала сильно болит голова, потом боль проходит, но пропадают силы, а еще тебе постоянно холодно. Мне стало трудно подниматься на третий этаж, я забиралась на него, как на гору. Лежа в ванной, я смотрела на свое исхудавшее тело и не знала, что бы придумать еще. Под глазами появились большие синие круги. В целом я выглядела как труп.

Один раз, сидя с бутылкой той самой «Столичной» в руке, я созвонилась с Антонио. Впрочем, это было не один раз. Мы созванивались весь тот период. Я и представить не могу, как пережила бы это все, если бы не он. Он был одним из немногих свидетелей того, что Дэниел и правда произошел в моей жизни. Мы еще долго с ним созванивались, обсуждая все на свете. Его семья и друзья в Македонии поголовно знали, кто такая «Даша». Мы даже планировали, кто к кому приедет, пока в конце концов он не окунулся в серьезные отношения с девушкой, которая жутко ревновала меня к нему, и в итоге он принял решение вычеркнуть меня из своей жизни. Кто его знает, что бы вышло, встреться мы сейчас. Может быть, мы сошлись бы как ни в чем не бывало, бегали по городам и также танцевали босиком, напевая Фрэнка Синатру под дождем, а может, оказалось бы, что между нами давно нет ничего общего, кроме воспоминаний о том лете в Вирджинии. Со мной происходили и те, и другие случаи. Но второй исход событий так разочаровывал, что в конце концов я перестала рисковать и больше не гонялась за старыми встречами. Я стала прятать их, как семейные золотые украшения – на самую дальнюю полку, где никакой вор не найдет. Я больше не думаю о них и не вспоминаю каждый день, но знаю, где они хранятся. И эта мысль греет. Спустя семь лет я случайно наткнусь на его фотографию в Фейсбуке, с девушкой и коляской, и не найду ничего лучше, чем по-русски написать «ох, вау…». Он ответит мне в личные сообщения:

Antonio Grujovski

Вижу последние сообщения от тебя, и мне они не нравятся. Так же как и моя реакция

Настоящий мудак

Dasha

Немного

Так как дела, папаша?

Antonio Grujovski

Ты имеешь в виду много

У нее твое имя

Dasha

Что

Antonio Grujovski

У моей дочери

Ее зовут Даша

Он скажет мне, что женился на самой прекрасной женщине в мире. Но также скажет и то, что я была единственной, кто знала его настоящего. Приятная грусть – вот что испытываешь в такие моменты. Все вышло хорошо для нас обоих. Но отчего-то я плакала и не могла найти себе места весь день. Люди встречаются, люди влюбляются… люди женятся на других.

Дэниел продолжал мне везде мерещиться, и я пропиталась твердым чувством, что вселенная сговорилась каждодневно посылать все эти дурацкие совпадения и намеки на него. С наступлением весны он стал отвечать все реже и реже…

Тем временем моя жизнь в Выхино подошла к внезапному концу. Рано утром кто-то стал очень громко стучать в дверь, чуть ли не выламывая ее. Как только я открыла замок, в квартиру внеслись трое огромных мужиков в черном. Это был хозяин квартиры и какие-то его братки. Без каких-либо объяснений они прошли мимо меня, зашли в гостиную, стали вырывать из розеток шнуры всей техники и выносить ее из дома.

Выяснилось, что последние четыре месяца парни не платили за квартиру вообще.

– Я сейчас вынесу отсюда всю технику, сменю замок и запру квартиру до тех пор, пока не получу сто десять тысяч.

Кое-как я объяснила ему, что действительно этого не знала и что я тут ни при чем. Он смилостивился и ответил, что у меня есть два часа, чтобы собрать вещи и съехать. Дело было в конце апреля. Дэниел всё еще был в Штатах, но уже месяц как ничего не писал. Черт его знает, в чем была причина. Учитывая, что у него не было ни ноутбука, ни нормального телефона, он мог просто заработаться. Мы договаривались встретиться с ним либо в Штатах, либо в Англии. Визы оформляются долго, и мне не оставалось ничего другого, кроме как поставить на одну из этих стран и начать подготовку документов. Я поставила на Штаты и каким-то чудом получила туристическую визу. В тот день я пришла домой к бабушке и дедушке, в миллионный раз открыла Фейсбук, где окошко с письмами по-прежнему пустовало, и увидела в новостной ленте, что Дэниел отмечен в альбоме с девяноста пятью фотографиями под названием «Californiacated». Я открываю альбом и вижу, что всё, абсолютно всё, о чем мы мечтали, всё, что я представляла в снах… Как мы снимем тачку, закинем сверху два серфборда, поедем вдоль всего вест коуста, ночуя в дорожных мотельчиках, пропадая под звездами Тихого океана… Как мы расправим руки над просторами Великого каньона и сфотографируемся на фоне памятника моряку, целующему медсестру, в Сан-Диего… Всё это он сделал с другой.

Моё сердце сжалось. Дедушка за моей спиной продолжал увлеченно рассказывать о том, что посадил на даче целое поле картошки, пока я трескалась внутри на части. Вскоре бабушка с дедушкой уехали жить на дачу, я

позвала в квартиру своих лучших подруг, Аллкаша и Элионор, и началась по-своему веселая и прекрасная пора. Вместе с теплом на улице пришло и тепло в сердце. Иногда люди хотят демонстративно покончить с собой, я же хотела демонстративно выжить. Я вдарила по спорту, правильному питанию и стала улыбаться пуще прежнего. Наворачивая круги по школьному стадиону, я представляла, как поеду покорять Америку, как буду кутить на лучших вечеринках, встречать безумных людей и катить, катить, катить через всю страну. Естественно, я представляла, что где-то там, по ту сторону Штатов, я, вся такая красивая, встречу Дэниела. Продумывала каждую деталь одежды, каждый кивок головы и бежала быстрее. Бег – крутая штука. На двадцатой минуте какой-то там гормон ударяет в голову, открывается то самое «второе дыхание», и начинаешь, как наркоман, кайфовать. Забавная наркоманская природа человека – нам вечно нужно на что-то подсесть.

Так я дотянула до мая и, сдав все экзамены досрочно, была готова вернуться в любимую страну.

Часть 2

Пересекая Штаты

Глава 1

Касабланка

Прощальная вечеринка прошла как надо. Такси в аэропорт приехало за мной в шесть тридцать утра. Свесив ноги с той самой крыши, где выходила замуж год назад, я наблюдала за тем, как оно подъезжает к дому бабушки. Мы играли песни на гитаре, приятель Леха как бешеный носился по крыше, играя с девчонками в догонялки, пока не споткнулся о провода и не разбил лицо в кровь, а мы компанией в двадцать человек орали в свежее майское небо «Никто не услышит». Ввалившись в квартиру, я поняла, что мой чемодан собран только наполовину, и стала в панике заталкивать туда все, что вижу. Схватив

загранпаспорт в зубы, я взялась за ручку чемодана и осознала, что пьяна настолько, что не могу идти. Друзьям пришлось ехать со мной в аэропорт, просто чтобы меня в него занести. Первым же движением я снесла хромированные золотом оградительные столбики с красными бархатными канатами какого-то навороченного ресторана. Они упали с таким грохотом, что эхо разнеслось на весь терминал. Тут я вспомнила, что в самолет могут не пустить по причине явного алкогольного опьянения, и мне стало реально страшно. Но потом проблема стала серьезнее: самолет задержали на три часа, а я безумно хотела спать. Новым квестом стало просто не вырубиться. Я мысленно представляла, что вставила в глаза спички… Когда мы все-таки взлетели и добрались до пересадки в Касабланке, самолет в США уже улетел. Приключения начались. Ты можешь сколько угодно планировать путешествия, но товарищ случай всегда выкинет какой-нибудь джекпот, который ты продумать не мог.

Уж не знаю, кто так все порешил и кого надо благодарить, но всем пассажирам, которые опоздали на пересадку, как и я, предложили подождать следующего вылета в пятизвездочном отеле. Меня посадили в такси со студентами, которые летели в Штаты на свой первый Work&Travel. Я была голодная как зверь. И вот мы заходим в марокканский отель, расписанный узорами от пола до потолка, где за огромными столами нас уже ждут шампанское и горячий обед. Голова кружилась от недосыпа. И вот сижу я, попиваю шампанское, смеюсь со студентами, предвкушающими свои первые американские приключения, и думаю: «Это все хорошо, но, кажется, я летела куда-то еще…»

Все, что я запомнила в Касабланке, – это бесконечные рынки, где можно жить. Тут продавалось абсолютно все – от вареных улиток, которых продавец наваливает тебе в миску прямо на дороге, до специй и ламп Аладдина, которые нельзя фотографировать. Детишки бегают с мячом по узким проходам, завешанным одеждой, и лезут под ноги зевакам. Я так и не съела улитку на спор, но поспала полтора часа в своей огромной бесплатной комнате отеля, и нас снова отвезли в аэропорт. На этот раз самолет вылетел вовремя, и я опять оказалась дома, в Америке.

Глава 2

Нью-Йорк

Молодой, красивой и безумной, исполняя победный танец под песню Фрэнка Синатры «New York, New York», я ступила на территорию США по трапу самолета с одной простой целью: жечь! Начиналась моя самая сумасшедшая пора. Мне стукнуло 21, а значит, теперь мне официально можно было все. Миновав Манхэттен, я махнула в Бруклин, к тому веселому негру, который в прошлый раз не предупредил меня, что на вечеринку надо было идти в коктейльном платье и туфлях, а не в рваных тряпках и шлепанцах. Добрые люди довезли меня прямо до дома моего хоста, радостные как суки, что общаются с «русской девушкой Дашей из «Гринписа», а почему-то не с моделью, но «Гринпис» – это же пиздец как круто, так что сосите, модели». Нигде тебя не поддержат так, как в Америке!

Мой хост, дредастый негр, был парнем что надо. На полном чилле и похуе. За жилье я расплачивалась тем, что гуляла с его песиком и подбирала за питомцем какашки. Сначала было тяжело заставить себя взять в руку через пакет что-то теплое, что только что выдавило из задницы живое существо, но потом я привыкла. Вернувшись в Россию, я стала дивиться, что мы не подбираем за собаками дерьмо. За сбор какашек я получила шикарную квартиру со своей собственной комнатой и шестью мотоциклами в гараже, на которых мне перепадало кататься!

Дабы вести здоровый и экономный образ жизни, я привезла с собой из дома коробки геркулеса – это обеспечило мне завтрак на три месяца. Энергии от овсянки хватало на полдня, в обед я ела какой-нибудь салат, а вместо ужина у меня был алкоголь, которым меня угощали абсолютно каждую ночь. Не знаю, откуда он появлялся. Просто появлялся, и все.

У меня было всего три месяца студенческих каникул, за которые нужно было успеть пересечь Штаты. Поэтому я быстро сделала все, что можно и нужно сделать в Нью-Йорке: увидела Брайтон-Бич, обплевалась с притона русских эмигрантов, прошлась в коротком платье по Таймс-сквер, съездила на «ферри» на Стейтен-Айленд, попялилась на статую Свободы, которая, кстати, не такая уж и большая, увидела вживую картину Ван Гога «Звездная ночь», прошла раз десять туда-обратно по Бруклинскому мосту, поднялась на Эмпайр-стейт-билдинг ночью и заодно обняла его стену, провела вечер на Юнион-сквер, где собирается куча людей и творит самые разные чудачества, полазила по статуе Алисы в Центральном парке, попала на тематическую вечеринку и, конечно, закупилась миллионом лифчиков в Victoria’s Secret. Магазины одежды быстро стали моим вторым домом. Доброта продавщиц, низкие цены и огромный выбор

превратили простую девочку из Балашихи в шопоголика. В надежде, что мне будет на что есть в августе, я уже в первый день приперлась домой с огромными сумками. Под все эти вещи пришлось купить еще и новый чемодан.

Моими сожителями по каучсерфингу на этот раз были девочка, которая общалась с далай-ламой, и мальчик, который путешествует уже 4 года без остановки с маленьким рюкзаком, куда умещаются только спальник и пара футболок. Я стала узнавать жизнь через истории людей, которых встречала в дороге. Мне не нужно было читать книги и путеводители – у меня были живые учебники каждый день, и мой мозг впитывал информацию жадно и без разбору.

Вскоре я переехала к другому прошлогоднему хосту, фотографу и оператору Марселю Либреросу, который затаскал меня по всем своим любимым местам в городе, а со вкусом у него все было в порядке. Пока мы гуляли, он попутно снимал видео со мной. Это был первый раз в моей жизни, когда меня снимали на профессиональную камеру. Ради красивых кадров мы даже прокатились на знаменитом желтом такси, а стоит оно, кстати, целое состояние. На Юнион-сквер в тот день стояло несколько подростков с плакатами «Free hugs». Черные мальчишки зазывали людей обнять их.

– Вперед, барышня! Это бесплатно! Никаких обязательств! Тебе не надо будет звонить мне завтра!

Я в ажиотаже подскочила к ним в коротком платье:

– А можно мне тоже?

– Что «тоже»?

– Постоять с плакатом?

– Девочка, да ты миллионную аудиторию соберешь! Конечно, можно!

Взяв плакат, я пошла гулять по площади. Далеко ходить не пришлось. Если темнокожих парнишек со спущенными штанами обнять готов был не каждый, то на меня полетели, как на мед! И так здорово это было – смотреть на улыбку человека, который поборол социальные рамки и, может быть, даже страх и

делает шаг тебе навстречу. Как светятся любовью его глаза. Мне не хотелось прощаться с таким плакатом, и я попросила ребят подарить его мне. Они согласились и вручили мне в придачу значок с такой же надписью. Этот плакат и по сей день хранится у меня дома. Позже я узнала, что FREE HUGS – это целое движение, созданное австралийцем Хуанном Манном: он просто вышел на улицы Сиднея с такой табличкой и с тех пор стал возвращаться на площадь за новой порцией безвозмездной любви год за годом. В тот день я его хорошо поняла.

Глава 3

Вашингтон

С бутылкой рома «Малибу» – напитка, который с того момента я стала пить только в особенные моменты своей жизни, чтобы нести в этом вкусе праздник, – я упала в автобус и покатила через зеленые поля Америки. В Вашингтоне меня уже ждали новый хост Райан и его сосед Джош. Райан был ученым, он изучал птиц. Все дни напролет он проводил в клетках с птицами. Он изучал слух птиц. И оказалось, что с возрастом он не ухудшается. Их клетки в ушном отделе продолжают регенерироваться, а у людей – нет. С помощью этих знаний он хотел научиться восстанавливать слух у людей.

Я попала в Вашингтон в самое подходящее время, к Дню независимости, когда и без того серьезная столица страны была донельзя завешана флагами. Вашингтон показался мне довольно бездушным. Он как солидный мужчина в рубашке и пиджаке, работающий на не менее солидной работе, живущий в собственном доме с зеленой лужайкой и преданным псом. Народ приезжает сюда за властью, а из такой мотивации редко выходит что-то душевное. Я честно обошла все Капитолии и даже застала парад – это многолюдные шествия с воздушными шарами под марш. Но домашние вечеринки с красными стаканчиками и бирпонгом впечатлили меня больше. Ты же наверняка видел эту игру в фильмах: американцы расставляют стаканчики в форме треугольников на двух противоположных концах стола, делятся на две команды и по очереди кидают шарик для пинг-понга. Если попал в стакан противника, он его выпивает. Тот вечер мы закончили на крыше, наслаждаясь роскошным салютом. Пока в России приходится взламывать замки, чтобы попасть на крышу, в Америке на многих из них находятся бассейны, шезлонги и пальмы. И, пока я поверить не

могла, что попала на такую крышу, для остальных это, конечно, было обычным делом. Может, действительно стоило треть жизни просидеть в России, чтобы теперь иметь возможность радоваться любой мелочи развитых стран? Удивительно, что в этом городе совсем нет людей. Не знаю почему – видно, не мне одной показалось, что здесь скучно. Вечером мы возвращались домой на метро, и по меркам Москвы вагон был практически пуст, а народ просто визжал с того, какая тут «давка», и ребята по приколу толкали друг друга в плечо. Мне захотелось затолкать их в наше метро часиков эдак в семь, взять попкорн и наблюдать за реакцией.

Райан помог мне составить маршрут через Штаты. Мы вместе отметили на карте самые интересные места, и дело было в шляпе. Я ему нравилась, и он мне, в общем-то, тоже. Но между нами встали его повышенная скромность и кривые зубы. Впрочем, через пять лет мы снова встретимся, и зубы у него будут ровные. Но тянуть меня к нему все равно не будет.

Проведя в Вашингтоне всего несколько дней, я отправилась в Вирджинию-Бич. Моя одногруппница Диана, девушка невероятной красоты и доброты, за которой всегда гонялись стаи парней, поехала туда по моей наводке и сейчас жила в том же отеле, что и я год назад. Диана была Рыбой, как и я, и в целом наши взгляды и стиль жизни были очень похожи. С одной только разницей: она никогда не была одна. Перед тем как бросить парня, она всегда находила следующего и вместо того, чтобы мучиться после расставаний, как это делала я, просто перешагивала с одного корабля на другой, ни о чем не парясь. Эта способность всегда меня удивляла. В любом случае Вирджиния была по пути, и я решила заехать туда – проведать родной город и своих друзей. Многие из тех, кто работал здесь в прошлом году, вернулись и на этот сезон. Когда я вышла из автобуса, над океаном зарядил огромный салют. Город приветствовал меня. Я так и застыла в немом удивлении, таращась в небо.

Глава 4

Virginia, bitch[10 - Вирджиния, сучка.]

Парень, у которого я должна была остаться по каучсерфингу в Вирджинии, меня прокатил. А значит, все последующие пять дней, что я здесь оставалась, мне

приходилось придумывать, где заночевать. Я забросила вещи в наш отель к Дианке, а сама кантовалась, где могла. Ночевать у нее в комнате было запрещено. Если бы хозяева отеля это заметили, то выбросили бы нас обеих. В первую же ночь мы нажрались с ней в срань, орали русские песни и бегали по волнам до семи утра, а проснувшись, отмывали разрисованные маркерами ноги.

С утра я пошла к магазину, на парковке которого проработала все прошлое лето, встретилась с Иисусом и чуть не сдохла на радостях. Мой безумный «святой» завел себе 27-летнюю девушку и наслаждался жизнью, как прежде! Я сидела в своем любимом кресле, раскачивалась и курила марихуану… Как будто и не уезжала вообще. Все это время мыслями я и так была здесь, поэтому мне казалось, что теперь все на своих местах.

Вечером я опять была предоставлена самой себе. Прогуливаясь по набережной, я услышала свою любимую песню «Битлз» «Oh! Darling» из бара с верандой и не смогла пройти мимо. В кармане остался один бакс, поэтому я не пошла в сам бар, а уселась на лужайке у столиков за маленьким ограждением. Загадочный музыкант, чертовски похожий на молодого Миронова, одобрительно на меня посмотрел. Музыканты – тоже вечные цыгане: они не осудят за то, что ты не купил бокал дорогущего вина, чтобы их послушать. В перерыве мы с ним затрепались. Мне показалось, что я встретила родственную душу. Он спел мне «Creep», и мы окончательно разговорились. Он был потрясающим слушателем. Рассказываешь что-то, и он искренне восклицает: «Это же так круто!!!» И ты ему: «Я знаю!!!» Мы говорили о своих мечтах, и оказалось, что они совпадают. Я влюбилась в него с первого взгляда. Мне кажется, он чувствовал то же самое, потому что пристально смотрел на меня горящими глазами, но с какой-то онемевшей тоской и довольно скоро сказал: «Где же ты была? Я так долго тебя ждал. Я уехал бы с тобой прямо сейчас, но теперь я уже женат, и у меня скоро будет ребенок». Взаимность сделала мою грусть приятной. Мы оба не успели.

Когда Диана освободилась с работы, мы пошли гулять по набережной и познакомились с двумя мальчиками, которые жили в дорогом отеле прямо напротив океана. Они увидели нас с балкона и стали что-то кричать. В итоге спустились к нам с шикарными коктейлями в красных стаканчиках, как полагается, и предложили прогуляться. Загулявшись, я забыла придумать, где ночевать сегодня, и на этот раз вариантов как-то не предвиделось. В их отель я пойти не могла, потому что с ними в номере оставались какие-то девушки, и они были против. Эйрон, парень, с которым я сошлась по духу, не хотел бросать меня в беде и предложил переночевать нам вместе в его машине. Будучи парнем

культурным, он, конечно, готов был предоставить всю тачку мне одной, но мне было стремно ночевать на парковке в одиночку. До семи утра мы сидели на этой парковке, целовались и встречали рассвет. Он гитарист, серфер, длинные черные волосы, сине-зеленые глаза, начитанный, с шикарным чувством юмора, не лишенный цинизма, с двумя любимыми фразами: «Черт возьми, да!» и «Надеюсь, в аду продают пиво». В двадцать с небольшим у него уже были свой дом, собака и три машины. Он увлекался какими-то непонятными то ли гонками на грузовиках, то ли черт его знает чем. Показывал мне видео, где в какой-то дикой грязи они месятся на тачках под крики зрителей на огромном ринге, но в чем суть, я все равно не поняла. Он хотел, чтобы я осталась с ним жить, и говорил, что его родители мне понравились бы, а я лишь смеялась и отвечала, что свобода мне важней. В то утро я изучила все версии того, чем можно заняться на передних сиденьях автомобиля. На заднем было бы удобней, но нам было так хорошо, что мы просто не могли оторваться друг от друга, чтобы перелезть назад. На следующий день он уезжал и готов был взять меня с собой в свой город в центре штата. Это был не прием по «кадрению» девочки, он действительно имел это в виду. Он расписывал мне картину совместной жизни, пока мы шли босиком по еще прохладному песку вдоль пляжа. И несмотря на то, что его предложение звучало здорово, я представила и «реальную» версию этой сказки для Золушки: как готовлю ему ужин, стираю запачканные в грязи футболки и жду на крыльце вместе с собакой, когда мой милый приедет домой со своих тачкосостязаний обратно в наш маленький город, где все друг друга знают. Пока он записывал мой номер телефона и предлагал места, где мы сможем встретиться, первый луч поднимающегося из океана солнца ударил мне в глаза. Мы стояли на той же самой улице, где я впервые поцеловалась с Дэниелом; цвет солнца был такой же добро-оранжевый и так же приятно согревал лицо. И в сотый раз в моей голове прозвучал предательский голос, ломающий всю эту картину своим приговором – «это не то».

Мы договорились с Эйроном, что встретимся на том же месте, где познакомились, на закате, но я, конечно, не пришла. Так началась длинная череда моих коротких связей, которыми я мстила всему миру за свое разбитое сердце. Всех мужчин моей жизни можно разделить на два типа: с одними я спала один раз и, как правило, тут же исчезала, с другими я встречалась годами и, даже расставшись, продолжала любить.

Следующий день был моим последним в Вирджиния-Бич. Дэйв пригласил меня на свой концерт, я прихватила Диану, и мы пошли в указанный бар. Дэйв познакомил меня со своими друзьями-музыкантами и с женой. Это была маленькая, пухленькая и несказанно добрая девушка, которая явно любила его

больше жизни, и я не стала ревновать. Среди прочих за столиком сидел старик по имени Билли, который научил его играть еще ребенком. Билли пристально посмотрел мне в глаза из-под шляпы. Он ничего не сказал, лишь грустно улыбнулся. Но в тот миг мне показалось, что он знает о моей жизни что-то, чего не знаю я. В этой компании были самые волшебные люди, которые сразу полюбили меня просто так и, подобно всем, кого я встречала в пути, засыпали комплиментами… Они подарили мне свой альбом и барабанные палочки, расписавшись на каждой, и, захмелев от пива, не хотели отпускать, но в конце концов благословили на дорогу и сказали, что будут ждать, когда я вернусь. Позже я смогла объяснить себе их неоправданную любовь. Люди проводят здесь, в Вирджинии, довольно короткую жизнь. Не в том смысле, что у нее короткий срок, а в том, что дни их повторяются один за другим. Дэйв и через 10 лет будет играть в том же баре, ходить на рыбалку с друзьями на тот же пляж по выходным и изредка болтать с занесенными ветром в его город бродягами. Я была для них той самой загадочной бродягой с непредсказуемой судьбой, так отличающейся от их собственной. Я была мечтой, которую по тем или иным причинам они не могли осуществить.

Когда я пришла домой, алкоголь в магазинах уже не продавали, а напиться чертовски хотелось. Завтра я должна была уезжать. А значит, пора было сделать то, что я с болью в сердце откладывала.

– Эй! Есть кто на втором этаже? – крикнула я тем, кто теперь жил на нашем балконе. Оттуда сразу высунулся какой-то узкоглазый мальчишка и с недоумением уставился на меня. – Привет! Можно к вам залезть на минутку, посмотреть на закат?

– Он давно прошел…

– Тогда можно посмотреть туда, где он был?

– Э-э… Конечно. Сейчас, только ключи от входной двери найду.

– Не надо! Я поднимусь по пожарной!

– Там подниматься запрещено.

– Да, я знаю!

Я вмиг вбежала по железной лестнице, которая помнила все. Вот оно, зеленое колючее покрытие, которое так больно впечатывается в попу и долго сохнет после дождя. Вот крашенная в белый деревянная стена, на которую я облокачивалась, читая эсэмэски от Дэниела. Вот перила, на которые он сажал меня, чтобы удобнее было целоваться. Вот закат, который я уже никогда отсюда не увижу. Я отделалась от парнишки, ответив на пару его вопросов, и осталась стоять одна, всматриваясь в линию, где океан соединяется с пляжем. Я чувствовала себя актером сгоревшего театра. Спектакль окончился год назад, вся труппа уже давно раскидана по миру. Режиссер спился. И вот она я, стою одна среди выцветших декораций на покрытой пылью сцене. С тех пор у меня больше не возникало желания вернуться в те места, где было прожито что-то важное.

Я посидела еще чуть-чуть с Дианой на заднем дворе отеля. Она сказала, что все эти путешествия в одиночку оказались вовсе не ее штукой и что теперь она стала ценить дом. Мы выпили одну бутылку пива на двоих, обнялись и разошлись. В три ночи я села в автобус, направляющийся на запад. Теперь только на запад.

Глава 5

Нэшвилл

Я гнала на всех парах по прямой трассе из штата Вирджиния в Теннесси. Моей следующей остановкой был Нэшвилл. Райан сказал, что это главный музыкальный город всей страны, и был чертовски прав. Именно здесь зародился стиль кантри, а это означало, что куда ни плюнь – попадешь в гитариста. Здесь жил и умер Джонни Кэш, отец кантри. Мальчишки водят на его могилу девчонок на первом свидании и играют там свои песни. Я влюбилась в этот маленький утопический город моментально. Это было место моей мечты. Мне было плевать на его инфраструктуру, природу и цены в магазинах. Я влюбилась в мечтателей, покинувших родные края и приехавших сюда ради того, чтобы посвятить себя музыке.

Я приехала в Нэшвилл в 9 утра, поймала такси и добралась до парня по имени Шон, моего хоста, сдержанного мальчика моего роста с высоким голоском и милыми глазами. Мы сразу пошли купаться в бассейн отеля Marriot, пройдя без спросу. Позже я стала практиковать эту штуку во многих странах – обычно в отелях не проверяют наличие браслета на руке, иногда достаточно просто назвать номер любой комнаты – и велкам. Вечером мы прогулялись по городу и зашли в место под названием «Коко кафе». Это был белый деревянный домик, стоящий в стороне от остальных зданий, в небольшом саду. Он состоял из двух помещений со сценой и комнатой отдыха, барной стойкой, за которой продавали только чай, кофе и пиво, и огромной верандой, стены и потолок которой обвил многолетний плющ. Веранда была заставлена столами и стульями всех видов, включая кресла-качалки. Именно здесь и зависала вся музыкальная молодежь с утра до утра.

Мы с Шоном подсели за чужой столик, найдя свободные стулья, и уставились на сцену. Юные таланты выходили по очереди, отыгрывали несколько песен и звали следующего музыканта. Процесс напоминал детский утренник, где каждый получает свои пять минут славы, рассказывая стишок. Не сказать, что ребята были профессионалами, но что-то дельное у каждого из них все же выходило. После долговязого кудрявого мальчика в ковбойской шляпе (здесь очень любят ковбойскую атрибутику) на сцену поднялся симпатичный парень с черными торчащими вверх волосами и с огромными зелеными глазами навыкате. Выражение лица у него было что надо. Казалось, что как-то раз жизнь его сильно удивила, и лицо так и застыло в изумлении. Он был одет во все черное, как Джонни Кэш. Парень сыграл несколько шикарных песен. Мои глаза зажглись. На слова «а этот парень неплох» сосед по столику ответил, что может нас познакомить. Но я подошла к нему сама. Так я встретила Джастина – художника, гитариста, певца и крайне странного парнишку. У него была своя группа, и он был просто охуенен. Мы сразу подружились и все оставшиеся дни в Нэшвилле кутили вместе как неразлейвода.

Нэшвилл влюбился в меня моментально. Не знаю, в чем было дело, но за пять дней я подняла на уши всех юношей района. Уже после своего отъезда от Джастина я узнала, что, как только я продолжила путь, по городу поплыли байки о моих любовных похождениях. Каждый второй мальчик сочинял самые невероятные истории о том, чем мы с ним вдвоем занимались, и все они были неправдой. Я смогла объяснить такой ажиотаж только тем, что до центра Америки доезжает мало двадцатиоднолетних русских блондинок, которые сами по себе и «просто едут». Я была молодая, наивная, дерзкая и горела, как те самые римские свечи Керуака[11 - Цитата из книги «На дороге»: «Они

приплясывали на улицах как заведённые, а я плёлся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы, те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасённым, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, кто лишь горит, горит, горит, как фантастические желтые римские свечи, которые пауками распускаются в звёздном небе, а в центре возникает голубая вспышка, и тогда все кричат: «Ого-о-о!»]. Его фамилию я, к слову, стала слышать на каждом углу. Все сравнивали меня с этим неизвестным мне тогда писателем, и я не могла понять почему.

– Так какие у тебя планы?

– У меня нет никаких конкретных планов. Я просто еду через всю Америку и делаю, что хочу.

– Да ты как Джек Керуак!

– Да нет же, я как я!

Я провела весь вечер с музыкантами. Мы сидели в большом кругу на веранде, курили самокрутки и слушали музыку. Еще совсем юные девочки играли на гитаре так, что я только диву давалась, как они своими маленькими пальчиками могут зажимать железные струны и брать «баррэ».

Растворяясь в мире музыки, не представляя, как и зачем мне покидать этот город, я вдруг заметила загадочного юношу в углу веранды. Высокий, статный, с острыми скулами, сочными губами, огромной копной кудрявых волос, собранных в тугой хвост, бархатной загорелой кожей, проступающим через футболку рельефом мышц и слишком сексуальным голосом – он раскачивался в кресле-качалке, задумчиво перебирая струны акустической гитары. Парень был просто слишком красив, чтобы быть правдой. Не помню других случаев в своей жизни, кроме этого, когда я сама подошла к мужчине и сказала:

– Я думаю, ты очень красив.

Я не знала, что делать дальше, поэтому сразу изобразила, что занята разговором с кем-то другим. Линкас, так звали этого парня, все-таки не пропустил комплимент мимо ушей и подошел ко мне. Мы перекинулись парой фраз, он

позвал меня прогуляться в парк, но я почувствовала, что он зовет не просто погулять, и отказала. Тот пожал плечами, сказал: «Очень жаль» – и исчез. Пока я общалась со всеми и сразу, Шон – мой «стеснительный» хост – наклонился и промурлыкал мне в ухо, что хотел бы вернуться домой и поужинать со мной при свечах. Меня такое предложение совершенно не интересовало.

– Слушай, здесь так здорово, может, посидим еще чуть-чуть?

– Я ревную тебя ко всем этим парням. Пойдем домой, я приготовлю ужин…

Вот он, этот момент, когда девушка понимает, что вляпалась. Мой чемодан был уже в его квартире, поэтому мне пришлось по-хитрому изобразить дурочку.

– Не стоит. Я просто с ними общаюсь. И все же я бы еще осталась.

– Но мне завтра рано вставать.

– Может быть, тогда ты пойдешь домой и мы с тобой пообщаемся завтра?

После 15 минут нытья с его стороны я таки отправила его спать, а сама осталась в кафе.

Обнаружив меня с утра на диване, Шон улегся прямо поверх меня и спросил, куда мы пойдем завтракать. Оказалось, что мы встречаемся уже два года, но я почему-то об этом забыла. Отделавшись какими-то глупыми оправданиями, я свалила. Днем Джастин хотел устроить мне экскурсию по городу, и я пришла в «Коко кафе», чтобы встретиться с ним. В кафе все так же беспечно качался на кресле Линкас… Я взяла себе айс-кофе и села на диванчик рядом. Бородатый мужчина в соседнем кресле обернулся и сказал что-то типа:

«Ты, наверное, устала от комплиментов, и мне нечем тебя удивить. Но хочешь сигарету, которую я сам скрутил? Отличный табак».

Я засмеялась и без спросу взяла у Линкаса зажигалку, лежащую на столике между нами. Тогда этот мужчина спросил:

– Ребята, вы знакомы?

– Да.

– Кто эта девушка?

– Она сердцеедка.

– She’s a heartbreaker.

Один из лучших комплиментов в моей жизни. Мы встретились с Джастином и поехали кататься по городу… Приехали в пустую церковь, где он сыграл мне на органе, и потом поехали в студию его друзей, где записывала первый альбом Тейлор Свифт. Мне было все равно, что там делала Тейлор Свифт, но Джастин считал ее женщиной мечты. Он рассказывал мне обо всех своих безумных романах и песнях, которые кому-то посвятил. Моей любимой была история о его бывшей девушке, которая стала курить кокаин (оказывается, его курят) и спалила как-то ко всем чертям его квартиру. Припев песни звучал так: «Stupid mother fucker, evil devil bitch, you’re smoking cocaine! You started smoking cocaine and it fucked up your brain»[12 - «Глупая ты дрянь, злая дьявольская сука, ты куришь кокаин! Ты начала курить кокаин, и он уничтожил твой мозг».]. Нужно было видеть, как умиротворенно он пел эти слова под гитарку, сидя на бордюре. Ближе к вечеру мы пропали в барах… Все бармены знали Джастина, и нас поили бесплатно. «Бармены – мои лучшие друзья», – говорил он мне. Последнее, что я помню, – это дымящийся коктейль с абсентом.

Еще днем я договорилась пойти погулять с Линкасом и вспомнила об этом договоре поздновато. Парень ждал меня с девяти вечера. В итоге мы с Джастином вваливаемся в «Коко» в час ночи пьяные в хламину. Дальше помню смутно, но, немного подождав, мы с Линкасом ушли по полю в туман, сели в городском парке у памятника и проболтали всю ночь до семи утра, пока люди не вышли на работу. Оказалось, что этот парень прекрасен не только снаружи, но и внутри. У него нет семьи, и всю свою жизнь он живет сам по себе. За пару лет до нашей встречи он успел проехать всю страну на товарных поездах… В Америке таких называют трейнхопперами. Он ездил от берега к берегу в поисках приключений, но однажды его поймали, избили и пообещали, что, если увидят еще раз, убьют. Он был тем еще романтиком, но все чувства держал внутри себя. Я ценила, что он раскрывает мне свои секреты, и видела, что ему нелегко это дается. Сонные, мы добрели до его дома и ворвались в него в прямом смысле, потому что он забыл ключи, а сосед его так накурился, что уснул без

памяти, и бедному парню пришлось лезть в окно, чтобы потом по-джентльменски открыть мне дверь с той стороны и сказать: «Welcome». Впервые за долгое время я занималась любовью, а не трахалась. Он крепко обнимал меня во сне, и я была счастлива. Правда, мой хост Шон не оценил таких вольностей и прогнал меня из дома, как только я вернулась, но я недолго горевала и сразу переехала к Джастину и его другу Джозефу, бармену и музыканту, в их собственный дом. Мне отдали кроватку в подвале, рядом с музыкальным оборудованием. В подвале у ребят была целая студия. Оба парня вели себя так, будто я принцесса, и завалили подарками, а вечером мы погнали вместе на вечеринку в честь Дня взятия Бастилии. Ее устраивала старая и богатая хиппи-француженка, и ставлю свой зад, что ты не был на более крутой вечеринке никогда! Это был гигантский особняк, украшенный огоньками и свечами, с роскошным садом и бассейном. Дом пропах благовониями, ароматическими маслами и соблазном. В саду были расставлены кровати, у бассейна были шведский стол и… оркестр. Все музыканты были одеты в костюмы, а возглавляла их роковой внешности девушка в красном платье. Она пела на французском. Но главное – это гости. Кого тут только не было… Акробаты, танцовщицы… Кто-то был одет в индийскую одежду, кто-то в вечерние платья, а кто-то не был одет вовсе. Это был один из самых красивых домов, которые я когда-либо видела. Мы с Джастином уплетали тарталетки и пили шампанское залпом, когда в дом наконец вошел Линкас. Вчера этот парень лез в окно в майке и драных джинсах, а теперь стоял передо мной в темных брюках, вельветовой жилетке и рубашке, с аккуратно завязанными волосами и гитарой на плече… иными словами, о боже мой! Я безумно обрадовалась и кинулась его обнимать. Через час мы запрыгнули голыми в бассейн. Людей в купальниках здесь практически не было. Мне казалось, эта летняя ночь благословила нас на все. Свобода бежала по моим венам… Я обнимала этого мальчика ногами, он прижимал меня к стенке бассейна и целовал. Технически в ту ночь мы занялись любовью в присутствии человек ста, но, поскольку было темно и мы были в бассейне, никто из них об этом не узнал.

Вечер закончился где-то… Учитывая, что я начала пить в три часа дня и начала с абсента, которым нас угощал Джозеф в своем баре, а закончила темным ромом «Малибу» залпом, вы можете представить, как сложно вспомнить, что было дальше… Я помню то, что помнят другие. Я обнималась со всеми, много говорила на русском и учила всех пить водку. Я проснулась в обнимку с Линкасом в том самом подвале оттого, что нас будил Джозеф и говорил, что сейчас сюда придет его ученик по фортепьяно, у них будет урок, а значит, нам как минимум хорошо бы одеться.

Придя в себя, я отправилась в музей, где проходила выставка моего любимого Энди Уорхола. Для меня навсегда останется загадкой весь кипиш по поводу банки томатного супа. И я не понимаю, почему из всех работ такой популярной стала именно она. Но то, как этот мужик вертел на пальце всю светскую жизнь Нью-Йорка, неоспоримо. Его называли художником, продюсером, писателем, коллекционером, издателем журналов, кинорежиссером, менеджером первой альтернативной рок-группы, организатором лучших вечеринок… И все это правда. Но на самом деле он просто был Энди Уорхолом. На территории всей выставки громко играла та самая группа, «Velvet Underground», продюсером которой он являлся, и «Rolling Stones», они тоже были часными гостями «Фабрики» – студии Энди, где снимались фильмы, проводились выставки, вечеринки и рождалось все поп-арт-искусство. Я пропала в его работах… Особенно в комнате с видеозаписями. Минут двадцать я просто смотрела на неморгающего Сальвадора Дали и на то, как Нико самозабвенно выпускает дым изо рта. Энди любил показывать популярных людей настоящими, видя их как готовое произведение искусства. Поэтому интервью в его студии у знаменитостей брали только знаменитости, а видео снимались инстинктивно. Он относился к жизни и всем ее составляющим как к бесконечному полотну для творчества. И я была с ним абсолютно солидарна.

После растворения в выставке я вышла в кафе при музее, чтобы попросить воды (а она в Америке всегда бесплатная), и заболталась с официантами:

– Значит, ты путешествуешь через всю страну? Как здорово! Куда поедешь дальше?

– Мемфис!

– Мемфис?! И ты едешь туда одна?

– Да.

– Храни тебя Господь, да это же самый криминальный город в Штатах! Там на улице могут застрелить за то, что ты просто свернула не в тот квартал.

Дальше ребята наперебой стали закидывать меня страшными историями, которых они понабрались от своих приятелей. На что я ответила, что это все здорово, но я все равно поеду, потому что там находится дом Элвиса и я не могу

проехать мимо.

– Ладно, погоди! – сказала девчонка и ушла за дверь с надписью STUFF ONLY[13 - Только для персонала.]. Она вернулась с газовым баллончиком и настояла на том, чтобы я взяла его с собой. Я всегда придерживалась политики переделанной цитаты Чехова «не бери ружье, иначе оно выстрелит», но отказываться было бесполезно.

Вечером я должна была встретиться с мальчиками. Мне звонит Джозеф, чтобы спросить, где и как мы встретимся, и тут мой телефон просто подыхает, и я понимаю, что понятия не имею, ни по какому адресу их сейчас искать, ни где я в данный момент живу, ни адрес бара, ни где работает Джозеф, ни их Фейсбуки, ничего! Время было одиннадцать вечера, и все, что у меня было с собой, – мятая пятерка баксов. I’m FUCKED[14 - Я влипла.]. По сути, парни могли спокойно никогда не выходить со мной на связь, оставить себе все мои вещи, включая ноутбук и тысячу баксов, спрятанные в чемодане, и в ус не дуть. Я едва ли смогла бы их найти. Я даже не могла украсть зарядку, не то что купить – все магазины уже были закрыты. Следующие полчаса я шла по Нэшвиллу и рыдала в голос, не веря в собственную глупость. Даже паспорт у меня был в чемодане. Я не могла ни от кого позвонить, потому что в Америке почти ни у кого не бывает телефонов с сим-картой, и кого бы я ни спрашивала, можно ли вставить симку в их телефон, таких не находилось. В итоге я дошла до заправки, купила зарядку для машины – только такие там и были, – нашла копа, пошла к нему в машину и, наконец, позвонила Линкасу, потому что другие не брали трубку… через 10 минут он приехал за мной, и я стала смотреть на него, как на героя. Дома мы съели большую пиццу с грибами на четверых и вместе смотрели фильм «Пинк Флойд» «The Wall». Чем больше фильма проходило, тем больше я не понимала, как прожила всю жизнь, не зная этого кино. Я сползала к экрану и боялась моргать, лишь бы не пропустить ни одного кадра. Под суровую сгущающую атмосферу музыку на черном экране появились два цветка – как символ мужчины и женщины. Сначала цветы занялись любовью, а потом стали друг друга грызть. Любовь и война – вот весь наш мир. Ночью Линкас играл мне на гитаре, а я завороженно наблюдала за тем, как он переставляет пальцы.

– Как ты знаешь, куда их ставить?

– Это просто. Давай я тебя научу?

Я неуклюже наставила подушечки на разные струны и попыталась исполнить «Where is my mind», но на первом же аккорде поняла, что у меня ничего не получается, и вместо занятий музыкой мы занялись любовью. С утра я прощалась с ребятами, мне снова пора было в путь. Я вручила им свой блокнот, и каждый в нем что-то написал. Больше всего мне хотелось узнать, что же напишет Линкас. Я чувствовала, что буду тосковать по нему, но это была сладкая тоска. Он сел на бетонные ступеньки, облокотился на стену и стал что-то строчить.

Сидя в автобусе, я открыла страницу и прочитала: «Даша, мир ждет тебя опять. И пока ты едешь на запад, знай: часть тебя останется здесь, в моем сердце. Не забывай, чего ты ищешь, и, как всегда, ЛОМАЙ СТЕНУ! Линкас». Я закрыла блокнот, облокотилась лбом о стекло и с улыбкой уставилась в даль. Мир действительно ждал.

Глава 6

Мемфис, Теннесси

Поздно ночью я вышла на конечной вместе с парочкой оставшихся в автобусе людей. Моя «серая борзая», разворачиваясь, навернула прощальный круг и исчезла в темноте, оставив меня одну. Остановка была единственным освещенным зданием на километры вокруг. Было непонятно, в какую сторону вообще двигаться. Казалось, что там, за лучами света, поджидает что-то плохое. Общественный транспорт если и был, то уже не работал. В конце концов большая афроамериканка за кассой вызвала мне такси до дома моего нового хоста. Я вспомнила о поиске дома немного поздно, но это все равно ничего бы не изменило, потому что во всем Мемфисе было всего два каучсерфера. Один не отвечал, поэтому пришлось согласиться на второго. У него была всего одна фотография, где он идет по полю, и сложно было судить о том, что это за человек. Все, что я знала, – что ему явно за тридцать и что он фотограф. Взамен на ночлег он попросил меня поучаствовать в фотосессии. Я ответила: «Конечно, только если мне не придется раздеваться». Дальнейшую картину я буду помнить всю жизнь. Такси довезло меня до совершенно неосвещенного района. На улицах не было ни души. Единственный пучок света падал из окон одноэтажных домов, наполовину скрытый ветвями деревьев. Выглядело зловеще, как в

сказках братьев Гримм. И вот из этой темноты, отодвигая перед собой ветки, к такси выходит какой-то мужик, сильно хромая на одну ногу, согнувшись как горбун, в старой соломенной шляпе с длинными полями и торчащим из-под нее хвостиком. Его лицо и голос были не менее пугающими. С длинным острым носом, за которым прячется рот, он смотрел дикими, выпученными глазами, как стервятник, и говорил высоким скрипучим голосом, как Баба-яга из советского кинофильма. Но бежать было некуда. Негр получил с меня двадцатку и, скрипя колесами, угнал подальше из этой жопы. Кажется, даже ему стало страшно. Мужик взял мой чемодан и молча покатил его в дом. Заходим в помещение: все стены черные, света почти нет, горят только свечи и какой-то неон. На стенах висят портреты кукол без глаз, чучела ворон, ветки и черные сетки. Играет зловещая музыка, где кто-то читает молитвы – кажется, на латыни. В темноте на меня сверкнули две пары глаз. Это были кошки. Они наблюдали за мной, не двигаясь. Сказать, что я пересрала, – ничего не сказать. Он сказал, что я могу спать на полу, и напомнил о плате за ночевку, а именно о фото- сессии.

– А, да, конечно… Что, прям сейчас?

– Ну, я так понял, ты всего на пару дней, лучше не откладывать. У тебя есть что-нибудь сексуальное – ночнушка, например?

– Есть… А что мы будем снимать?

– Пойдем, я покажу тебе зал.

Мы зашли в соседнюю комнату, стены которой были полностью завешаны черной тканью, а по всему полу была разбросана жухлая листва. Специальный аппарат выпускал дым, как на концертах.

– Ты ляжешь вот сюда… Оденешься в костюм монахини и будешь звонить в прошлое по этому аппарату, – он ткнул пальцем на доисторический телефон с барабаном для набора цифр.

Он объяснил, что эта фотография будет одной из серии чего-то там и будет участвовать в выставке. Короче говоря, где-то в Нэшвилле висит огромная фотография, где я сижу замотанная в черное, с телефонной трубкой в руках, жопой на сухих листьях и в дыму. Затем он попросил меня подписать бумаги о том, что я разрешаю ему использовать эту фотографию в своих целях и

отказываюсь от своих прав на нее. В ту ночь я лежала в спальнике на полу, и пока кошки этого маньяка втихаря ссали в мою кожаную сумку, прикидывала, зарубит он меня топором прям здесь или логичнее будет вывести меня на улицу, чтобы не пачкать ковер.

Но, несмотря на все странности этого персонажа, убивать он меня не собирался и на следующий день даже любезно довез до дома Элвиса. Правда, все то время, что мы ехали, он периодически издавал странные птичьи звуки. Когда я спрашивала, зачем он это делает, он говорил, что не понимает, о чем это я, но уже через несколько секунд снова начинал курлыкать. Псих.

Дом Элвиса не мог не впечатлить… Кабриолеты, золотые костюмы, роскошный особняк… И бесконечный коридор, увешанный платиновыми дисками… Не думаю, что кто-то может похвастаться коллекцией больше этой. Я шла по коридору, вглядываясь в надписи на каждом диске, и меня охватывало чувство восхищения и тоски. Что делать, когда у тебя столько признания? Куда уже стремиться? С таким количеством поклонников оставалось только пить шампанское на небесах, так почему же ты все еще здесь? Глядя на все неоправданные, ненужные изыски его дома, я понимала: он просто не знал, что еще делать со всем этим признанием и деньгами. Я всегда считала знаменитостей скорее святыми мучениками, чем счастливчиками. Никто из нас не был в их шкуре, так как можно уверенно полагать, что быть ими здорово?

Если жизнь когда-нибудь забросит тебя в дом Элвиса Пресли, когда ты минуешь зал с платиновыми дисками, Элвис расскажет тебе стихотворение на одном из экранов. На много лет вперед оно останется для меня знаковым. Вспотевший, уставший, он читает его со сцены:

«Ты никогда не был в шкуре другого человека,

Никогда не видел мир его глазами,

Не стоял и не смотрел, беспомощно опустив руки,

Как сердце внутри тебя умирает.

Так помогай своим братьям на пути, неважно, откуда они

начнут. Ведь тот же Господь, что сотворил тебя, сотворил их.

Этих людей с разбитыми сердцами».

Я долго сидела рядом с его могилой. Мне было хорошо. Как сказала Лана Дель Рей: «Элвис – мой папа, Мэрилин – моя мама». Они действительно были своего рода родителями всей этой большой голливудской мечты, которую мы впитываем с материнским молоком и о которой втайне мечтаем. Посидеть рядом с его последним пристанищем было для меня честью.

Остальной город не произвел на меня большого впечатления. На улицах не было ни души. Напоследок я совершенно случайно набрела на тот самый отель, где когда-то застрелили Мартина Лютера Кинга. У парня всего-то была мечта[15 - Намек на знаменитую речь Кинга «I have a dream» (прим. автора).], и непонятно, за что он схлопотал пулю. Зато смерть этого черного брата повлекла за собой настоящий хаос по всей стране, а его убийца получил 99 лет заключения. Интересно, почему не сто? Чтобы казалось, что меньше, типа «всего 99, пацан, только для тебя и только сегодня»?

Утром я выехала в Новый Орлеан, где смогла вычеркнуть сразу три пункта из своего «списка дел на жизнь».

Глава 7

Новый Орлеан

Новый Орлеан был любовью с первого взгляда. Город джаза, блюза и магии вуду.

Черт знает, почему он связан с вуду, но тут просто все по-другому. Смерть здесь празднуют. Если кто-то умирает, весь город выходит на улицу во всем цветном, устраивая целый парад, и, вооружившись барабанами и трубами, идет провожать человека в последний путь. К слову, тут безумно красивое кладбище и никого не хоронят под землей. Из-за того, что город построен на болоте, хоронить в земле попросту опасно – гробы затонут. Поэтому кладбище здесь походило на огромный город мертвых. Для каждого тела построен свой склеп из мрамора. Кого-то хоронили всей семьей – по полочкам, как в плацкарте.

Я поселилась у двоих парней в роскошной квартире, в которой можно было потеряться. Мне выделили кожаный диван размером с кухню. На крыше дома

был огромный бассейн, спрятанный в пальмах, и отсюда открывался официально лучший вид на весь город. Поскольку Новый Орлеан географически отрезан от остальных развитых районов Америки, стоимость жилья здесь довольно низкая. О квартире такого же уровня только в Нью-Йорке или Сан-Франциско можно даже и не мечтать. За такие же бабки ты сможешь максимум позволить себе комнату на отшибе города. Я сидела на краю бассейна, болтая ножками, всматривалась в ночные огни и не могла понять, за что мне перепал такой рай.

Ближе к ночи парни повели меня на главную улицу города под названием Бурбон-стрит. Это улица празднования жизни. Одни сплошные бары, где двери не закрываются и не открываются, потому что их вообще нет! Коктейли стоят по два доллара, и главная фишка – это замороженные «Дайкири» и «Маргариты». Они чертовски сладкие и сделаны из молотого льда – так алкоголь идеально маскируется, и ты сам не замечаешь, как уходишь в ноль. Чтобы понять, что находишься в Новом Орлеане, достаточно поднять голову и найти провода. Если там висят разноцветные бусы, значит, ты на месте. Дело в том, что чуть ли не каждый день здесь проводятся карнавалы, и шествующие надевают себе на шею разноцветные бусы. По окончании парада ликующий народ подбрасывает бусы в воздух, и они так и остаются висеть на деревьях и проводах. Ночью центр преображается пуще прежнего: зажигаются неоновые вывески, стриптизерши зазывают внутрь прямо с улицы, музыканты играют еще громче, а народ, забравшийся на балконы второго этажа (а дома здесь все двухэтажные), с интересом наблюдает за улицей, потягивая кок- тейли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Марк Твен.

2

Слова из песни Placebo «Soulmates never die» (прим. автора).

3

Номер социального обеспечения – уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США (прим. редактора).

4

«Нет, детка… Но не то чтобы я не хотел разжечь твой огонь» – намек на песню группы «The Doors» (прим. автора).

5

«Какой прекрасный кошмар».

6

XX обозначают поцелуи. Англичане используют эти символы в конце сообщения, как мы пишем «целую» (прим. автора).

7

Название самой старой автобусной компании США. Автобусы с надписью «Greyhound», в переводе «Серая Борзая», можно увидеть еще в таких фильмах, как, например, «Завтрак у Тиффани» (прим. автора).

8

Цитата из советского мультфильма «Дарю тебе звезду» (прим. автора).

9

«Мы встретимся. В конце концов».

10

Вирджиния, сучка.

11

Цитата из книги «На дороге»: «Они приплясывали на улицах как заведённые, а я плёлся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы, те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасённым, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, кто лишь горит, горит, горит, как фантастические желтые римские свечи, которые пауками распускаются в звёздном небе, а в центре возникает голубая вспышка, и тогда все кричат: «Ого-о-о!»

12

«Глупая ты дрянь, злая дьявольская сука, ты куришь кокаин! Ты начала курить кокаин, и он уничтожил твой мозг».

13

Только для персонала.

14

Я влипла.

15

Намек на знаменитую речь Кинга «I have a dream» (прим. автора).

Купить: https://tellnovel.com/ru/pahtusova_dar-ya/mozhno-vse

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить